

Ирина Козлова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
Москва, Россия

Кандидат филологических наук

ORCID: 0000-0001-5466-1339

Лаборатория теоретической фольклористики, Институт общественных наук

Современные еврейские коммеморативные практики в контексте памяти о Великой Отечественной войне и Холокосте

Аннотация. Статья посвящена актуальным практикам памяти Холокоста в разных городах России. Исследование построено на полевых материалах, собранных в результате экспедиций, которые состоялись в 2020–2023 гг. в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы». Экспедиционная работа велась в разных городах на Западе и Юге России. Участники проекта посетили более 20 населенных пунктов, в которых записали несколько сотен интервью с членами еврейских общин, краеведами, работниками культуры и другими людьми, интересующимися памятью об оккупации и Холокосте. Внимание автора статьи привлекло то, что в разных городах по-разному рассказывали о посещении памятников жертвам Холокоста, особенно то, что в одних городах для жителей был важен день расстрела, а в других его даже не знали. Автор статьи задалась вопросом: в какие дни в разных населенных пунктах проходят акции памяти погибших евреев и от чего зависит выбор дня посещения памятника. Проанализировав собранный материал, она выделила три модели, к которым тяготеют практики поминовения жертв Холокоста: поминовение в день расстрела (или другой вариант: в традиционные поминальные еврейские дни); поминовение в контексте памяти о Великой Отечественной войне – в День Победы или день освобождения города; поминовение в контексте международной памяти о Холокосте – 27 января или на Йом ха-Шоа.

Ключевые слова: коммеморация, память, Холокост, Великая Отечественная война, еврейские поминальные традиции.

DOI: 10.31168/2658-3364.2024.1-2.03

Для цитирования: Козлова И. В. Современные еврейские коммеморативные практики в контексте памяти о Великой Отечественной войне и Холокосте // Judaic-Slavic Journal. 2024. № 11–12 (2024). С. 51–93.

Статья поступила: 01.10.2024. *Принята к публикации:* 24.10.2024.

Память о трагических событиях Второй мировой войны и Холокоста остается актуальной по сей день, особенно в странах, переживших оккупацию. Одной из таких стран является Россия, значительная часть которой была оккупирована немецко-фашистскими войсками. На оккупированных территориях России почти не было гетто, но было множество массовых расстрелов евреев в разных городах от Северо-Запада до Кавказа. В современной России практики памяти Холокоста гораздо менее заметны, чем практики памяти Великой Отечественной войны, однако они есть во многих городах, и в них ежегодно принимает участие какое-то количество людей: где-то это только члены еврейской общины, где-то это могут быть довольно массовые акции с участием работников культуры, учителей, школьников и даже представителей администрации.

В 2020–2023 гг., работая над проектом «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы», мы с коллегами совершили 11 экспедиций, в ходе которых посетили более 20 населенных пунктов – среди них были большие и малые города и несколько сел¹. Мы ограничили свою работу территорией Российской Федерации, поскольку она казалась менее изученной в плане памяти о Холокосте, чем другие, в том числе и постсоветские, страны. При этом, чтобы набрать как можно больше материала для сравнения, мы решили посетить разные области, а не сосредотачиваться на каком-то одном регионе. Так мы посетили Псковскую, Смоленскую, Брянскую области в западной части России, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, Кабардино-Балкарию и Дагестан на юге, город Омск в Сибири. Нам было важно посетить те города на западе Брянской области, которые до 1917 г. находились в черте оседлости, а также Ростов-на-Дону – здесь был самый крупный расстрел евреев на территории Российской Федерации. Прочие города для экспедиций мы выбирали исходя из двух характеристик: необходимо, чтобы в городе имелась действующая еврейская община, и чтобы это была местность, пострадавшая от оккупации. Мы выбирали прежде всего большие города, потому что именно в них на момент наших экспедиций действовали сравнительно крупные еврейские общины: нам было важно беседовать о семейной памяти именно с евреями. Исключением были, во-первых, две экспедиции на тыловые во время войны территории: в Дагестан и Омск. Они позволили нам собрать сравнительный материал о еврейской памяти как на территории, близкой к оккупированной (Дагестан) так и, напротив, отдаленной от нее (Омск). Во-вторых, мы посетили несколько городов и сел, где во время войны были еврейские

¹ Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина.

расстрелы, сейчас есть памятники жертвам Холокоста, но нет еврейских общин. Материал, собранный в таких населенных пунктах, дает нам возможность сравнить практики памяти о Холокосте евреями и не евреями. В населенные пункты, где нет еврейских общин, мы приезжали на один-два дня во время более длительных экспедиций в близлежащие города. В данной статье я ограничусь материалом с оккупированных во время войны территорий, поскольку меня интересовали именно практики памяти, связанные с местами расстрелов. Ниже будут рассмотрены актуальные на момент нашей полевой работы (2020–2023 гг.) коммеморативные практики, зафиксированные в 20 населенных пунктах.

Предыстория

На сегодняшний день даже в тех городах и селах, о которых точно известно как о местах, где совершались массовые еврейские расстрелы, не всегда есть памятники жертвам Холокоста: в некоторых местах они есть, в других их нет совсем, в третьих есть общие памятники «мирным советским гражданам». Наличие тех или других памятников или их отсутствие зависит от множества разных факторов: об установке памятников в советское время подробно рассказано в работе Аркадия Зельцера [Zeltser 2019]. Большая часть памятников в тех городах, где мы проводили полевую работу, была установлена или реконструирована в 2010-е гг. Российским еврейским конгрессом в рамках проекта «Вернуть достоинство»².

Исследователи памяти о Холокосте отмечали, что первые памятники жертвам Холокоста появились уже в первое послевоенное десятилетие. Тогда же возникла традиция ходить на места захоронений³. Наши собеседники, за редким исключением, родились уже после войны и о посещениях мест расстрелов непосредственно в послевоенные годы ничего не знали. Случаи, когда они слышали о посещении этих мест от старших родственников, единичны. Так, Анна, у которой в Ставрополе во время войны погибли бабушка и тетя, рассказывала, что начала ходить к памятнику на месте расстрела с 15 лет, то есть с середины 1960-х гг:

[Соб.: А Вы сказали папа водил, а Вы когда об этом узнали – про бабушку, про тетю?] Ну Вы знаете, отец-то ходил сам раньше, без нас, без детей туда...

² О проекте см. подробнее [<https://rjc.ru/ru/projects/project-42/>]

³ М. Альтшулер упоминает о митинге, прошедшем в Харькове в годовщину расстрела уже в январе 1945 г. [Альтшулер 2009, 174], А. Зельцер пишет об установке первых памятников в 1940-е гг. [Zeltser 2019, 122–124], И. Реброва замечает, что в послевоенные годы к памятникам, которые как раз в это время устанавливались, ходили обычно в дни расстрелов [Rebrova 2020, 141].

Потом, ну так получилось, что моя мама очень рано умерла, и у меня была мачеха. А нас в семье четверо детей, детей как-то долго туда не водил, пока мы чуть-чуть подросли, ну где-то, наверное, лет 15 мне было, тогда отец стал водить нас: на кладбище к маме он нас водил, потом вот на место расстрела стал водить. И тогда уже ежегодно. Вот именно 9 Мая – День Победы (Инф. 1).

По словам Анны, ее отец узнал о гибели семьи, когда приехал в отпуск из армии. Уже в 1944 г. на месте расстрела поставили памятник⁴, с определенного возраста отец стал водить дочь к мемориалу и перед своей смертью попросил не забывать ходить туда. Анна выполняет обещание и ходит ежегодно теперь уже со своими детьми и внуками. Однако в Ставрополе она оказалась единственной среди наших собеседников, кто регулярно ходил к месту расстрела в советское время.

Несмотря на то, что памятник на месте еврейского расстрела (точнее, в одном из мест – всего нам известно о двух) появился вскоре после трагических событий, знание об этом, как показывают наши интервью, было очень ограничено, далеко не все евреи были осведомлены о том, что на месте расстрела есть мемориал. Один из членов общины, приехавший с матерью в Ставрополь ребенком, рассказывал нам про памятник и про то, что среди погибших была сестра его матери. Однако оказалось, что ничего о месте расстрела ни в детстве, ни в молодости ему не было известно, узнал он об этом лишь в 1990-е:

Первый памятник в районе урочища «Столбик» появился в [19]52 году. Говорят, что это инициировали те евреи, которые из армии после войны пришли и узнавали это место, где расстреляли городских евреев. И там по их инициативе был создан этот памятник <...> [Соб.: А Вы когда на месте расстрела побывали первый раз? Вот у мемориала, который с 1952 года?] Мы туда ходили в свое время. [Соб.: С детства?] Нет, ну какое, мы не знали ничего этого. [Соб.: Не знали? Родители не рассказывали о родственниках?] Родители мои не отсюда. Мы сюда в [19]45 году приехали из эвакуации <...>. [Соб.: А про тетю когда узнали? Вы же приехали сюда, узнали, что тети уже нет. Вы знали, где она расстреляна, что случилось? Как об этом узнали?] Ну, каким пацанам это рассказывают? (Инф. 2).

То, что именно в Ставрополе нам встретилась собеседница, которая знала о месте расстрела еще с 1940-х гг., можно объяснить только случайностью и тем, что памятник на месте расстрела был установлен спустя довольно краткое время после трагических событий. Ставрополь находился далеко от черты еврейской оседлости и никогда не являлся

⁴ Эта дата указана в статье И. Ребровой [Реброва 2024, 251]. По словам одного из наших информантов, памятник появился в 1952 г.

местом традиционного проживания евреев, к началу XX века там была еврейская община, к 1908 г. построили синагогу (в 1930 г. она была закрыта), здесь было два хедера, но процент еврейского населения никогда не был высок. На сегодняшний день в Ставрополе две еврейские общины, но обе небольшие (20–30 человек), и если верить переписи населения 2010 г., евреев в Ставрополе меньше 0,1% (и, соответственно, меньше, чем в других больших городах, где мы проводили полевую работу). В Ставрополе, правда, было расстреляно много иногородних евреев, оказавшихся там в эвакуации, но у них чаще всего не было в городе родных, поэтому приходиться к месту их гибели было некому. Насколько нам удалось понять, практики памяти существовали только на индивидуальном и семейном уровне.

Еще в нескольких городах мы сталкивались с одним-двумя жителями, рассказывавшими о посещении места расстрела в советский период. Правда, таких, как Анна (кто знал бы о посещении мест расстрелов еще с 1940-х гг.), нам больше не встретилось. Наши собеседники упоминали о посещении памятников в 1960–1970-е гг. Тут важно учитывать и то, что во многих городах в 1960-е гг. на месте расстрелов были установлены памятники. На них так же, как и на памятнике в Ставрополе, не было еврейской символики, отсутствовали сведения о погибших — это были памятники «мирным жителям» или «жертвам фашизма»⁵, но люди знали, кто были эти жертвы. Например, в деревне Вязовеньки под Смоленском в 1967 г. еврейская община установила на месте расстрела памятный знак⁶. Один из наших собеседников рассказывал, что ездил на место расстрела с момента установки памятника:

Пожилые люди, это было в [19]60-е годы, рассказывали, как убивали евреев. [Соб.: То есть Вы туда в 1960-е специально ездили?] Да, посмотреть в каком состоянии. Потому что к каждой годовщине, 15 июля, облагораживали памятник, привлекали местную администрацию, чтобы скосили там бурьян. Да, я даже с косой ездил туда, когда еще не было там. [Соб.: То есть еще в советское время, с 1960-х годов ездили туда к этому памятнику и с другими людьми прибирались там?] Да, да (Инф. 3).

Смоленск, хотя и не входил в черту оседлости, находился близко к ней, поэтому в XVIII–XIX веках евреи там активно селились, в начале

⁵ О том, какие надписи были на мемориалах в разных городах, подробно рассказано в книге А. Зельцера [Zeltser 2019, 275–322]. В тех городах, где мы проводили полевую работу, все памятники, сохранившиеся с советского времени, не имели еврейской символики и надписей, указывающих, что погибшие были именно евреями.

⁶ Об установке памятника подробнее см. [Цынман 2001, 23; Вятчина, Юдкина 2018, 245–246].

века здесь действовало две синагоги и пять хедеров. По данным переписи 1926 г. евреи составляли 16,2% населения Смоленска. После войны возвращавшиеся из эвакуации евреи узнавали о своих погибших родных, так в Смоленске создавалась инициативная группа, поддерживающая память о жертвах Холокоста. В то же время большинство членов еврейской общины Смоленска, с которыми мы встречались в 2022 г., в том числе и люди старшего поколения, говорят, что в советское время ничего не знали о месте расстрела, а ездить к памятнику начали только в 1990-е:

Мне как-то трудно сказать, но, по-моему, с [19]90-х. Когда приехали после всего, понемножку по крупицам стали собирать. И вот «Хэсед» организовывал эти поездки. 15 июля, это уже каждый июль все выезжали, как говорят, на помин <...>. [Соб.: А вот раньше, в советское время вы туда не ездили?] В советское время – да я понятия не имела, что там в Вязовеньках (Инф. 4).

В Новозыбкове Брянской области, городе, который входил в черту еврейской оседлости и где до войны еврейское население составляло почти четверть, лишь одна собеседница рассказала нам, что ходила на место расстрела с 1970-х гг.:

Ходили, еще [когда] малышами были: третий, четвертый, пятый класс. Потом, когда взрослые стали, сами уже ходили. [Соб.: Это в 1970-е вас учитель школьный всем классом водил и показывал это захоронение?] Да, обязательно. Это строго было: на каждый День памяти мы ходили сюда [Соб.: На День памяти какой?] Зимой, расстрела. На 18 января и на 9 Мая мы всегда ходили (Инф. 5).

В то же время ее ровесник (также выросший в еврейской семье), говорил, что знал со школьных лет про место расстрела в Карховском лесу, но не слышал ранее, чтобы кто-то специально ходил к памятнику в определенные дни:

В Карховский лес – не было такой традиции ходить, я всего там был пару раз. Зато я сейчас сделал традицию, и я всех своих детей туда вожу. Своих родных и школьных тоже. [Соб.: А с какого года Вы завели эту традицию?] С тех пор как восстановили мемориал (2016 год. — *Примеч. ред.*) (Инф. 6).

В Карховском лесу в советское время стояли два памятника: один представлял собой скульптуру матери с ребенком, он был установлен в 1962 г., второй – маленький обелиск с надписью «Жертвам фашизма», в 2016 г. на его месте был установлен новый памятник с именами погибших.

Больше всего людей, знавших что-то о местах расстрела или бывавших там еще в советское время, мы встретили в Ростове-на-Дону. Там

традиционно проживало много евреев (до 1888 г. город входил в черту оседлости), важно и то, что именно в Ростове находится место, где был совершен самый массовый на территории России расстрел евреев – Змиёвская балка. В 1975 г. в Змиёвской балке был построен большой мемориальный комплекс «Жертвам фашизма». Однако лишь немногие евреи из Ростова-на-Дону рассказывали о том, что намеренно посещали Змиёвскую балку в определенные памятные дни:

В советское время ездили. Ездили просто так, когда не было никаких еще маршей, мы вот опять же с маминной подругой, мы просто туда ездили вот 11 августа, мы просто ездили туда с цветами. Это было не организовано, просто все, у кого кто-то... [Соб.: Вы вдвоем?] Ну нет, у нас большая семья <...>. Учитывая, что и мама, и тетя Алла – пожилые люди, мы их возили на такси. [Соб.: А когда приезжали туда, еще людей встречали?] Да, встречали знакомых (Инф. 7).

Наша ростовская собеседница Ольга говорит, что к мемориалу ходили не только ее семья и подруга мамы, у которой там погибли родители, – были и другие, приходившие именно в день расстрела – 11 августа. Однако гораздо чаще нам встречались люди, которые слышали про расстрелы в Змиёвской балке, но приходиться туда стали только с 1990-х:

Ну, конечно я знала, но я не помню, как я узнала и ездила ли я – вряд ли. Я же работала много. <...> А уже когда я стала ходить в «Хэсед», там организовано... Ну и я стала ездить, конечно, много людей ездило <...>. Раз в год мы ехали туда, мы ехали в августе. <...> Я каждый год ездила (Инф. 8).

Встречались и случаи, когда кто-то из ростовчан, в том числе евреев, наоборот, посещал Змиёвскую балку в советское время, но воспринимал это просто как один из памятников, связанных с войной:

Когда нас повезли на эту Змиёвку со школой, ну в [19]75 году, я учился в 5-м классе <...>. Нас привезли куда-то за город, какой-то памятник <...>. Что здесь были расстреляны – ничего не говорили, мы не понимали, где мы находимся (Инф. 9).

Такие поездки были характерны скорее для второй половины 1970-х и для 1980-х гг., когда в Змиёвской балке уже был мемориальный комплекс с вечным огнем, когда сложилась традиция посещения военных мемориалов по особым случаям, в том числе даже не связанным непосредственно с памятью о войне⁷.

⁷ О посещении военных мемориалов на свадьбу см., например: [Громов 2008].

Об организованном посещении памятника, установленного на месте еврейского расстрела, нам говорили также в небольшом городе Рославль Смоленской области:

25 сентября, когда день освобождения, я работал (тут в городе фабрика была), и мы ходили туда все время возлагать венки. Евреев-то там, наверное, я один и был. Но ходили туда – было закреплено за нашей фабрикой (Инф. 10).

Возложение цветов от работников фабрики здесь приурочено к дате освобождения города и включено в контекст памяти о войне: за разными предприятиями и учебными заведениями были закреплены разные военные памятники, за одной из фабрик была закреплена стела «Жертвам фашизма», установленная в Бухтеевом рву близ Рославля в 1968 г.⁸

Примеры такой включенности в контекст посещения военных памятников нам встречались редко, буквально в трех-четыре городах из двадцати. Это объясняется, во-первых, тем, что места расстрелов обычно находились или за городом, или на окраинах городов, то есть до них просто неудобно было добираться, во-вторых, как отмечает И. Реброва, доминирование патриотической концепции войны в советской мемориальной культуре почти не оставляло места для памяти о Холокосте [Rebrova 2020, 139]. А там, где было организованное посещение мест расстрелов (как в Ростове или Рославле), оно было привязано к датам, связанным с Великой Отечественной войной (день освобождения города или 9 Мая), и подразумевало возложение цветов и венков в рамках обхода всех «военных» памятников.

Параллельно с таким возложением цветов от предприятия или школы существовало индивидуальное или семейное посещение, о котором нам говорили Анна в Ставрополе и Ольга в Ростове-на-Дону: люди своей семьей или какой-то небольшой компанией близких друзей шли к памятнику возложить цветы, потому что это было важно лично для них – чаще всего эти рассказы мы слышим от родственников или знакомых погибших в Холокосте. Всего один раз, в Новозыбкове, нам встретился рассказ о посещении памятника в 1970-е гг. классом, и один раз в Смоленске нам говорили, что в 1960-е была некая инициативная группа⁹.

Однако большинство наших собеседников сообщали, что в советское время просто не знали о расстрелах или не интересовались памятью о Холокосте, потому что было не до этого: учеба, работа, маленькие дети – обычные заботы, как у всех советских людей. К тому же многие наши

⁸ О памятнике см. подробнее: [Черкасски, Терушкин 2013, 72–73].

⁹ Об инициативной группе, занимавшейся установкой памятника в Вязовеньках см.: [Вятчина, Юдкина 2018, 245–247]. Вероятно, об этой же группе говорит и наш информант.

собеседники (особенно в больших городах) не были коренными жителями. Так, наш информант из Таганрога, переехавший туда с родителями в 1961 г., на вопрос, ходили ли в советское время к памятнику, установленному на месте расстрела, ответил, что кто-то, наверное, ходил, но, так как его семья с Таганрогом не связана, он ничего об этом не знал:

Нет, ну, наверное, ходили. Но опять же, ходили те, кто знал об этом, то есть непосредственно были какими-то родственниками или знакомыми [погибших], а так вот люди, конечно, ничего и не знали. Это все потом, в последующие годы начало как-то восстанавливаться (Инф. 11).

В 1990-е он, как и большинство наших собеседников, стал интересоваться еврейскими традициями, изучать иврит, ходить в «Хэсед» и посещать место расстрела евреев – Петрушинскую балку.

Такие истории рассказывали многие наши информанты во всех городах, независимо от того, были это города традиционного еврейского проживания или нет. Отличие заключалось лишь в том, что кто-то из рассказчиков узнал о месте расстрела и/или стал посещать его в 1990-е, а кто-то – позже. Именно в 1990-е в российских городах появляются еврейские организации, многие люди с еврейскими корнями, в том числе из смешанных семей, приходят в эти организации, начинают интересоваться культурой, традицией, религией. Эти же организации («Хэсед», «Ацмаут», религиозные еврейские общины) начинают устраивать поездки на места расстрелов, и люди ездят к памятникам, узнают про расстрелы в своих городах, участвуют в практиках поминовения. Где-то это происходит раньше (как в Ростове-на-Дону и Смоленске), где-то позже (как в Новозыбкове или Кисловодске), где-то не происходит вовсе (как в Краснодаре). Однако общая тенденция состоит в том, что в 1990-е появилась новая практика – коллективное посещение еврейскими общинами мест расстрела.

В редких упоминаниях о посещении памятников в советское время фигурируют три разных даты: День Победы, день освобождения города и собственно день расстрела. День освобождения города нам встречался только как дата, в которую возлагают венки от предприятий, день расстрела, наоборот – как день индивидуального, семейного посещения или посещения неформальной инициативной группой, а на 9 Мая к мемориалам и памятникам могли приходиться как в рамках городских мероприятий, так и индивидуально.

В 1990-е гг., когда во многих местах стали работать еврейские организации и начали формироваться еврейские общины, приходиться к памятникам стали в день расстрела. Такая практика сложилась в большинстве городов. Однако этот день известен не всюду, где мы проводили полевую работу. Кроме того, есть населенные пункты, в которых к памятнику

приходят в другое время, даже если сам день расстрела известен. В нескольких городах, где мы побывали и где во время войны были массовые еврейские расстрелы, нет не только особого дня памяти – неясно и место трагедии. В таких случаях неравнодушными жителями выбираются и согласовываются какие-то дни и места для того, чтобы почтить память погибших.

Дни памяти Холокоста и поминальные еврейские традиции

В случае, когда день расстрела не известен, для посещения памятников жертвам Холокоста еврейские общины и активисты памяти из разных городов выбирают один из трех вариантов: в одних случаях, как и в советское время, посещают памятное место в дни, связанные с Великой Отечественной войной, в других – в международные дни памяти о Холокосте, в третьих – в традиционные поминальные еврейские дни. Далее мы рассмотрим факторы, от которых зависит такой выбор.

Даты, связанные с войной, очевидно наследуются из советской традиции. Ирина Реброва отмечала, что в послевоенные годы памятники посещали непосредственно в годовщины расстрелов, а потом даты стали смещаться к 9 Мая и 23 февраля, реже – 7 ноября, совсем редко это были дни освобождения городов или 22 июня [Rebrova 2020, 141]. В 1990-е гг. возникла обратная тенденция: стремление посещать мемориалы именно в день расстрела, а не в общие даты памяти Великой Отечественной войны, как было принято в позднесоветское время (в тех случаях, если их вообще посещали). Однако в некоторых местах, прежде всего там, где не известна точная дата расстрела, традиция ходить к памятному месту на 9 мая или в день освобождения города сохранилась.

Практика посещать мемориалы в международные дни памяти о Холокосте сложилась сравнительно недавно. Таких дат две: 27 января – Международный день памяти жертв Холокоста, установленный Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных наций 1 января 2005 г.¹⁰, и День памяти Катастрофы и героизма (Йом ха-Шоа)¹¹.

¹⁰ В этот день в 1945 г. Советской армией был освобожден концентрационный лагерь Освенцим (Аушвиц-Биркенау).

¹¹ Йом ха-Шоа определяется по еврейскому календарю – 27 нисана (по григорианскому календарю приходится на вторую половину апреля или начало мая). Эта дата выбрана в память о дне начала восстания в Варшавском гетто в 1943 г. В Израиле в этот день траурные мероприятия проводятся ежегодно с 1950-х гг. Официально он не является «международным днем», но эта дата известна евреям разных стран, и поэтому мы будем называть его международным именно в широком, неформальном смысле.

Третий вариант – приходиться к памятнику в традиционные дни поминовения усопших. Здесь следует сказать несколько слов о еврейских поминальных традициях. У евреев не принято часто ходить на кладбище, чтобы лишний раз не тревожить покойных, также существует запрет посещения кладбища в праздники, субботы и ночное время [Дымщиц 2008]. Но, как и в других культурах, в еврейской также есть определенные дни, когда желательно помянуть умерших. Важным днем в еврейской поминальной традиции является день смерти человека: «Дата смерти в иудаизме в целом всегда наделялась особым смыслом. Эту дату пишут на надгробиях, в день смерти вспоминают душу умершего, приходят на его могилу, читают поминальную молитву» [Каспина 2020, 144]. Светлана Амосова отмечала, что в поминальном цикле евреев Смоленской и Брянской областей (где проходила часть нашей полевой работы) день смерти тоже занимает важное место, но кроме него для поминовения существуют и определенные календарные дни: Лаг ба-Омер (или «еврейская Радуница»), который выпадает обычно на конец апреля или май, и Тиша бе-Ав (9 ава), который приходится на конец июля или начало августа, при этом важно, что в некоторых городах «в современной традиции принято ходить на кладбище не в эти дни, а в ближайшие к ним воскресенья» [Амосова 2018а, 33].

Наши собеседники, живущие в областных центрах (Ростов-на-Дону, Ставрополь, Смоленск) и во многих других больших городах, говорили в этом контексте или только про день смерти, или (довольно часто) еще про день рождения умершего:

На кладбище у евреев не принято ходить в качестве развлечения или там принесения каких-то цветов, или там закуски. Только раз в году, в день смерти – прийти зажечь свечи, прочитать молитву (Инф. 2).

Единственная дата, которую я соблюдаю и соблюдают все мои родственники, – это дата рождения моих родителей и родителей жены, и дата смерти. В эти две даты мы обязательно ходим [Соб.: В эти даты Вы ходите на кладбище?] Хожу на кладбище (Инф. 12).

Неясно, как именно сложилась традиция посещать покойных родственников в дни их рождения, но надо заметить, что в посещении могил на дни рождения и дни смерти родных нет чего-то исключительно еврейского, в эти дни и русские также довольно часто ходят на кладбище к родным¹². Вероятно, это такая общая постсоветская традиция, уходящая

¹² Это встречалось и в нашей полевой работе в русских городах и деревнях, и в публикациях о современных поминальных традициях. См., например: «Участники интервью часто сообщали о том, что родственники стараются посетить

корнями в советское время, когда люди, особенно в больших городах, переставали придерживаться традиционного календаря.

В малых же городах Смоленской и Брянской областей (Рославле, Сураже, Новозыбкове) в качестве поминальных дней называли в первую очередь как раз традиционные дни еврейского календаря:

У нас была традиция, мы ходили на кладбище, как там мальчику сколько-то лет исполняется, меня дедушка водил. Я с детства знал, где мои предки захоронены, на еврейское кладбище <...>. [Соб.: А по каким дням дед Вас водил на еврейское кладбище?] Ну, были два дня: вот один день – вот как день посещения, как он правильно называется боюсь ошибиться, и на 9 ава мы ходили. [Соб.: А в другой день – это было весной?] Да-да. [Соб.: Лаг ба-Омер?]. Лаг ба-Омер – да! Лаг-Беймер (Инф. 6).

В приведенном фрагменте беседы житель Новозыбкова не сразу вспомнил название праздника Лаг ба-Омер, жители Рославля, с которыми мы разговаривали на эту тему, чаще всего этого названия вообще не знали. Например, женщина, с которой мы говорили на кладбище в мае 2022 г. рассказывала следующее:

Приходим порядок навести на могиле, ну и в родительские дни приходим. [Соб.: А родительские дни – это какие?] Один всегда или накануне, или после 9 Мая, а второй бывает в августе [Соб.: На 9 ава, да, второй?] Ну, я точно не знаю, как считают, напишут объявление – мы приходим. Здесь отец, мать, бабушка (Инф. 13).

День «накануне или после 9 Мая», по всей видимости, ориентирован на Лаг ба-Омер, однако, как было отмечено выше, на кладбище обычно ездят в ближайшее к нему воскресенье, то есть в выходной (см. об этом подробнее в уже упомянутой работе С. Амосовой [2018а, 33]). Наша собеседница из Рославля, с одной стороны, вроде бы понимает, что это «родительский» день, но с другой – связывает его со светским праздником – Днем Победы¹³.

В Новозыбкове, Сураже и Унече нам также встречались упоминания о посещении кладбища 9 Мая, однако там оно четко отделяется от посещения в Лаг ба-Омер – эта два разных дня, даже если они близки по календарю. Некоторые наши собеседники даже специально подчеркивали,

место погребения не только в день памяти, но и в день рождения покойного» [Чеснокова 2019, С. 189].

¹³ Подробно про поминальные практики в Рославле см.: [Амосова 2018б]. Наши наблюдения и интервью совпадают с наблюдениями коллег, работавших за несколько лет до нас.

что если на Лаг ба-Омер на кладбище ходили еще их бабушки и деды, то 9 Мая на кладбище стали приходить сравнительно недавно:

Два раза в год мы ходим: на Лаг ба-Омер ходим и вот на 9 ава ходим на кладбище <...>. Некоторые приходят на 9 Мая, вот кто в основном воевал – уже сейчас как традицию взяли на 9 Мая приходить, вспоминать тех, кто участвовал в Великой Отечественной войне (Инф. 5).

Кроме Смоленской и Брянской областей, про посещение кладбища на 9 ава нам рассказывали жители Пятигорска. В других городах или называли биографические даты жизни покойного (это могли быть не только дни рождения или смерти, но и, например, день свадьбы родителей), или говорили об отсутствии каких-либо специальных дней: «Честно говоря, не очень завишу от календаря. [Соб.: А дня какого-то еврейского поминального здесь нет?] Нет. Здесь обрусевшие все. Мои родители были очень от всего этого далеки» (Инф. 14).

В еврейской поминальной традиции при посещении могилы принято приносить камни (а не цветы), однако в наши дни почти все исследователи еврейской поминальной обрядности отмечают, что эта традиция не соблюдается последовательно: «Они <...> указывали на существование еврейской традиции приносить на могилу не цветы, а камни <...>. В то же время, отмечая, что возложение цветов на могилу противоречит еврейским традициям, информанты говорят, что сами приносят как камни, так и цветы» [Алексеевский 2013, 140]. Так и большинство наших собеседников сообщали, что приносят на кладбище как камни, так и цветы: «[Соб.: А вы приезжаете на кладбище к маме <...> оставляете что-нибудь там?] Ну, камушки ... Цветы приносим, несмотря ни на что» (Инф. 15).

Актуальные практики памяти о Холокосте

Вернемся к актуальным на момент наших экспедиций (2020–2023 гг.) практикам памяти о Холокосте. Как уже было отмечено, в основном они сложились в последние 30 лет, хотя в некоторых городах имеют и более глубокие корни. День, в который вспоминают жертв Холокоста в том или ином населенном пункте, во многом определяется тем, что известно жителям о еврейском расстреле. Города и села, которые мы посетили, в этом отношении можно разделить на три группы: 1) жителям городов/сел известны место и день еврейского расстрела; 2) в городе/селе место расстрела маркировано (есть памятник с еврейской символикой или именами погибших), но в какой день произошла трагедия, никто не знает; 3) в городе/селе точных сведений о месте расстрела нет или они противоречивы, о дне никто не знает.

Как уже было отмечено, в первом случае (12 населенных пунктов из 20) чаще всего к памятникам приходят в день расстрела. О посещении памятников в этот день нам рассказывали в Ростове-на-Дону, Смоленске, Новозыбкове, Унече, Ставрополе, Кисловодске и Минеральных Водах.

Ростов-на-Дону отличается от других городов тем, что здесь место еврейского расстрела известно большинству жителей, а не только членам еврейской общины. На 9 Мая к мемориалу многие горожане приходят возложить цветы – в основном семьями, случается, и поодиночке, иногда небольшими организованными группами¹⁴. Еврейская община организовано посещает Змиёвскую балку в годовщину расстрела – 11 или 12 августа. В этот день специально заказывают автобусы для поездки, а на 9 Мая члены общины приходят к мемориалу по желанию в индивидуальном порядке. Большинство наших собеседников говорили, что ездят с общиной раз в год: «Раз в год мы ехали туда, мы ехали в августе» (Инф. 8). Среди членов общины были те, кто говорил, что ездят на Змиёвскую балку не только в августе, но и 27 января и 9 Мая, однако таких было мало. Основным днем памяти, безусловно, является день расстрела – если в Ростове говорят о дне памяти Холокоста, то по умолчанию подразумевают именно местный день памяти: «Я не религиозен, я хожу в синагогу раз в году, в день памяти Холокоста – единственный раз. [В январе или который Ростовский?] Ростовский, да» (Инф. 9).

И. Реброва выделяет три модели поминовения жертв Холокоста у памятников: религиозную, советскую и смешанную. Первая подразумевает чтение еврейских молитв на месте расстрела, зажигание поминальных свечей и других действий, характерные для традиционного еврейского поминовения, например, возложение камней. Вторая представляет собой траурный митинг с произнесением речей об ужасах войны, обязательным участием официальных лиц, почетным караулом у памятника и обязательной минутой молчания и возложением цветов и венков в конце. Третья модель – смешанная: раввин может читать молитвы, в то время как в целом собрание имеет светский характер: с выступлением официальных лиц, организованным участием школьников, минутой молчания и возложением цветов. Автор отмечает, что в современной России распространена в основном именно эта модель [Rebrova 2020, 137–140].

Ярким примером реализации последней модели была акция «Марш живых», прошедшая в Ростове-на-Дону впервые 12 августа 2012 г.¹⁵ Если

¹⁴ Когда 9 мая 2021 г. мы проводили наблюдения у мемориала, нам встретилась только одна небольшая группа от Коммунистической партии Российской Федерации, сотни человек приходили семьями и поодиночке. По словам наших собеседников и по сведениям из СМИ, 9 Мая или накануне к мемориалу приезжают организовано классами школьники или коллективы отдельных организаций, общегородских организованных посещений 9 Мая не проводится.

¹⁵ Акция представляет собой шествие, повторяющее путь, которым евреи шли на расстрел во время немецкой оккупации. Впервые такой марш прошел в Польше

в советское время к памятнику ходили только отдельные люди возлагать цветы, а с 1990-х гг. – еврейская община, то в 2012 г. в мероприятии активное участие приняли областная и городская администрации и общественные деятели. Было организовано массовое шествие, траурный митинг, у мемориала в карауле стояли школьники, то есть мероприятие имело все элементы, на которые И. Реброва указывала как на характерные для советской модели. Однако в этом сценарии нашлось место и для еврейской поминальной молитвы, и для зажигания свечей, хотя наши собеседники отмечали неуместность многих элементов, например православной молитвы, участия казаков, массовой школьниками и в целом того, что чиновники, а не родственники погибших оказались главными действующими лицами мероприятия¹⁶. Акция была проведена спустя 70 лет с момента трагедии, в дальнейшем административные ресурсы подключались на другие юбилейные даты – в 2017 и 2022 гг., а в прочие годы к мемориалу приходили в основном представители еврейской общины и отдельные горожане, желающие почтить память погибших.

Другой город, в котором в день расстрела проходят довольно большие траурные мероприятия, – Смоленск. В этом случае у нас даже есть сведения о том, когда началось организованное посещение мемориала в день памяти: «Стараниями учителя <...> начиная с 1992 года ежегодно 15 июля – в день массового расстрела смоленских и попавших на Смоленщину волею судьбы евреев, у мемориала отмечается День памяти» [Цынман 2001, 25]. Так же, как и в Ростове, под Днем памяти Холокоста члены Смоленской еврейской общины подразумевают по умолчанию городской день памяти – 15 июля, в этот день они ежегодно ездят к памятнику. Место расстрела находится за городом (деревня Вязовеньки), для поездки община всегда заказывает автобусы и заранее приглашает всех желающих:

[Соб.: А вы ездили в Вязовеньки, где расстрел был?] Обязательно <...>. Стояли эти автобусы, мы сюда приходили, большие, автобуса два-три-четыре <...>. [Соб.: А Вы не помните, когда Вы приезжали в Вязовеньки на автобусах, что Вы там делали, там был какой-то митинг?] Митинг, обязательно <...> Потом цветы возлагали. Много из Москвы приезжали. Смоленские наши вот, начальство. Цветов много очень (Инф. 16).

Некоторое время в Смоленске 15 июля проводилось даже по два митинга, поскольку разные еврейские организации (Смоленское областное

в 1988 г., на территории Российской Федерации ростовский «Марш живых» был первым подобным мероприятием. Подробнее о «Марше живых» см.: [Кирзюк 2024, 19].

¹⁶ Подробнее о конфликте вокруг акций памяти в Змиёвской балке см.: [Кирзюк 2024, 19–21].

еврейское общество, Региональная еврейская национально-культурная автономия Смоленской области, религиозная община) проводили свои мероприятия. Некоторые наши собеседники говорили, что посещали оба мероприятия, другие просто ездили с той организацией, которая их приглашала. Оба мероприятия, как мы поняли из рассказов смолян, проходили по смешанному религиозно-светскому сценарию:

Ну, здесь, естественно, религиозная сторона дела, тут все четко, тут скрипка, все прочее. В принципе и там, и там все хорошо. Эти по-своему организовали, эти по-своему организовали. Всегда какие-то стихи, соответственно этому моменту <...> Песни кто-то исполняют, например «Бухенвальдский набат», – ну кто что. Это все на День Холокоста (Инф. 17).

В последние годы в Смоленске проходит один траурный митинг, также по смешанному сценарию. Иногда на митинг приезжают представители городской и областной администраций и еще какие-то официальные лица. Но если члены еврейской общины Ростова-на-Дону выражали недовольство вмешательством в день памяти администрации города, то члены еврейской общины Смоленска, напротив, говорили, что сами приглашали чиновников на день памяти: «А до этого (до 2002 г., когда появился раввин – *Примеч. И. К.*) мы тоже ездили в Вязовеньки, заказывали автобус, людей оповещали, кого-то приглашали, чтобы выступили: ну, губернатора, еще кого-то» (Инф. 3). Возможно, это связано с тем, что, в отличие от Змиёвской балки в Ростове-на-Дону, вокруг памятника в Вязовеньках конфликтных ситуаций не было: в 2014 г. на памятнике к первоначальному тексту о «жителях Смоленска, замученных фашистами» было добавлено «граждан еврейской национальности» [Вятчина, Юдкина 2018, 246]. В 2018 г. у старого памятника установили плиты с именами погибших.

9 Мая община к мемориалу (как и в Ростове) не ездит, но (в отличие от Ростова) в Смоленске в этот день нет и массового паломничества горожан к мемориалу¹⁷, потому что знание о Вязовеньках за пределами еврейской общины, друзей ее членов и активистов памяти довольно ограничено.

Траурные митинги в день расстрела проводит и еврейская община Кисловодска. В Кисловодске евреи были расстреляны 9 сентября, за городом, недалеко от горы Кольцо. Еще в 1947 г. там поставили памятный знак, который в 1987 г. заменили на памятник с надписью «Жертвам

¹⁷ 9 мая 2022 г. мы встретили там только одну семью. Пришедшие сказали, что ездят на 9 Мая к разным памятникам, связанным с Великой Отечественной войной. В целом это сходно с тем, что говорили многие ростовчане, приходившие 9 Мая в Змиёвскую балку.

фашизма», в 2017 г. здесь установили новый памятник с именами погибших. Наши собеседники из общины говорили, что начали приходить к памятнику в день расстрела в 2000-е – еще до установки нового памятника, сейчас в годовщины трагедии они не только приходят сами, но и приглашают официальных лиц, организуют участие школьников:

Во-первых, Татьяна пишет сценарий проведения мероприятия, потом мы сообщаем об этом в администрацию, в Центр «Дружба»¹⁸, рассылаем приглашения всем представителям национальных общин и приглашаем в определенное время к этому памятнику. Обычно у нас в церемонии участвуют дети, и не только наши дети, но и дети других школ. У нас есть школа № 2, где есть клуб, где дети занимаются именно темой Холокоста (Инф. 18).

Мероприятие у памятника 9 сентября имеет все атрибуты советского траурного митинга: участие чиновников, школьников, сценарий. Однако нельзя исключать, что там находится место и для чтения молитв, поскольку устраивает его религиозная община. Основным днем памяти в Кисловодске, несомненно, является день расстрела, однако многие члены общины говорили, что ходят к мемориалу еще и 9 Мая, но в этот день только возлагают цветы.

В Ставрополе известно о двух расстрелах: 12 августа в урочище Столбик были расстреляны местные евреи; недалеко от этого места, на территории старого аэродрома ДОСААФ, 15 августа расстреляли эвакуированных евреев. Оба места находятся на окраине города, в районе, который в разговорах называли «Лесная поляна» или «Русский лес», административно сейчас это Октябрьский район Ставрополя. В Ставрополе две еврейские общины, представители обеих сообщили, что приходят в эти места в первую очередь в годовщины расстрелов:

[Соб.: К этим памятникам по каким дням ходят?] Мы туда ходим на какие-то даты. Допустим, у нас свой День Холокоста – 12 августа, когда расстреливали городских евреев. Эвакуированных евреев 15 августа расстреливали. Но мы обычно на 12 августа. Потом сейчас же всеобщий День Холокоста сделали по поводу освобождения Освенцима, 27 января. [Соб.: Тоже ходите общиной в январе?] Ну, не всегда... (Инф. 2).

Помимо дня расстрела (который тут тоже называется Днем Холокоста) буквально в одном интервью был упомянут Международный день памяти, и пару раз называли еще 9 Мая:

¹⁸ Межнациональный культурно-просветительский центр «Дружба» – объединение, в которое входят разные национальные диаспоры г. Кисловодска, был создан в 1991 г.

Ко Дню Победы и когда Холокост был. [Соб.: В какой день ходили на День Холокоста: на международный, 27 января, или когда день расстрела в Ставрополе был?] Больше мы все-таки по ставропольскому – в августе (Инф. 19).

Поскольку мест еврейского расстрела, где установлены памятники, два, создается некоторая путаница. Памятник в урочище Столбик установлен в первые послевоенные годы, его не меняли, а на территории старого аэродрома памятник был установлен сначала в 2005 г., а в 2017-м вместо него установили новый памятник с указанием имен жертв. Ни один человек не говорил нам, что 12 августа приходит к одному памятнику, а 15 августа – ко второму. Были те, кто говорил, что стараются прийти к обоим в один день (памятники недалеко друг от друга), другие говорили, что раньше приходили в урочище Столбик, а в последние годы приходят обычно к новому памятнику.

Обе общины не афишируют свои мероприятия в городе: по рассказам, от одной общины к месту расстрела приходит обычно человек двадцать, от второй – немного меньше. Представительница одной из общин говорила, что они проводят что-то «типа митинга» (Инф. 14), но это довольно камерное мероприятие, без официальных лиц, почетного караула и прочего – кто-то из членов общины произносит речь, перед тем как возложить цветы и камни.

Впрочем, есть и другие примеры. Анна, которая приходила к месту расстрела с 1960-х гг., и сейчас приходит сюда со своей семьей именно 9 Мая, как привыкла с детства: «[Соб.: А вы ходите только 9 Мая или в августе?] Мы только 9 Мая, вот как вот папа нас водил, это была традиция, заведено так в семье: 9 Мая – на возложение: мы несем цветы, там камни кладем, камешки» (Инф. 1).

Несмотря на то, что памятники в Русском лесу мало известны широкому кругу горожан, для узкого круга членов еврейских общин с местом и днем памяти все вполне определено: мемориал обязательно посещают организованно в годовщину расстрела, дополнительно отдельные люди или семьи приходят сюда 9 Мая или 27 января.

В Минеральных Водах, где были расстреляны, по разным оценкам, от 6 до 10 тыс. евреев (это второй, после Змиёвской балки, по численности расстрел на территории России), траурные мероприятия тоже проводятся, но с днем памяти все не так ясно. В Минеральных Водах евреев расстреливали на территории бывшего стекольного завода с 6 по 9 сентября, туда увозили и евреев из находящихся рядом Кисловодска и Пятигорска. На месте расстрела с 1943 г. стоял памятный знак, в 2019 г. открыли новый памятник, на котором указаны имена погибших. Один из наших собеседников говорил, что к памятнику сейчас приходят два раза в год:

Ну, вот, когда?... 6–9 сентября, когда расстрел был. [Соб.: В смысле у памятника собираетесь?] Да-да-да. И когда в феврале, вот это, Холокоста, это... [Соб. В январе? День памяти Холокоста?]. 27 января, да. Ну так, два раза (Инф. 20).

Другой информант рассказал, что в день расстрела, как и в день освобождения города, к памятнику приходили раньше, теперь все приходят в Международный день памяти Холокоста:

Мы сюда приходили, до прихода НПЦ «Холокост»¹⁹, 11 января (День освобождения города. – *Примеч. И. К.*) и 6–9 сентября – в день памяти. Но потом, когда мы уже познакомились, мы узнали слово «Холокост», что существуют такие организации, мы сюда стали приходить 27 января (Инф. 21).

Возможно, в день освобождения города к памятнику приходили еще до того, как сложилась практика посещать это место в годовщину расстрела, – в советское время в рамках общегородских коммеморативных мероприятий (вспомним, как наш собеседник из Рославля рассказывал, что он и его коллеги ходили возлагать венок к памятнику от своего предприятия). Однако в последние годы эта традиция, кажется, угасла. Традиция приходить 27 января появилась недавно, после установки нового памятника, и теперь 27 января стал главным днем проведения траурных мероприятий, впрочем, в день расстрела памятник продолжают посещать, но в частном порядке. Вероятно, «первенство» 27 января можно объяснить тем, что Минеральные Воды никогда не были местом традиционного еврейского проживания: большинство евреев, расстрелянных там, были эвакуированными или их привезли из близлежащих городов. Еврейское население в городе невелико и сейчас, поэтому инициатива оказалась в большей степени за евреями, приезжающими из других городов и близкими к ним активистами памяти, для которых Международный день памяти Холокоста оказывается важнее локального.

В Новозыбкове и Унече Брянской области траурные мероприятия в годовщину расстрела стали проводить только с 2010-х гг. Отличие этих случаев от предыдущих в том, что инициаторами организованных траурных мероприятий оказались не евреи, хотя еврейские общины здесь есть.

Учительница истории, переехавшая в Новозыбков в начале 1990-х гг., рассказывала нам, как обнаружила старый маленький памятник в Карховском лесу и не могла понять, кому он установлен:

¹⁹ Научно-просветительский центр «Холокост» был создан в июне 1992 г. Организация проводит работу, направленную на увековечивание памяти жертв Холокоста: создание музеев и экспозиций, сбор документов и воспоминаний, проведение конференций, издание книг, а также проведение мероприятий, посвященных памяти о Холокосте. Подробнее см.: [<https://holocf.ru>].

И мы с детьми стали спрашивать, что это, а никто мне не мог ответить <...> Потом, когда мы стали углубляться в эту тему, мы поняли, что он стоит как раз на том месте, где евреи были расстреляны 18 января 1942 г. (Инф. 23).

Ее рассказ не исключает того, что были люди, которые туда регулярно ходили, она об этом говорила: «Да, то, что туда приходили люди – это видно. Оно и сейчас видно, следы видны – цветочки там появляются какие-то новые» (Инф. 23). Однако тот факт, что никто не мог рассказать о памятнике, указывает на ограниченность знания о нем (и о трагедии, произошедшей в городе).

Наша собеседница содействовала установке нового памятника в 2016 г., а после его появления стала организовывать в годовщину расстрела коммеморативные мероприятия. Если до 2016 г. члены общины приходили к памятнику сами, не афишируя это за пределами общины, то после сюда стали приходить делегация от школы и другие группы жителей:

У нас есть акция, мы ее проводим буквально вот сразу же, как только поставили этот мемориал, мы ее проводим ежегодно, называется «Пройдем их путь»²⁰. И мы идем пешком, сколько наших детей вот есть, потому что это именно 18-го [января], именно в этот день, и мы идем пешком с центральной площади, ну как получается, сколько человек, и идем прям этой же дорогой. Доходим, проводим там небольшой митинг такой вот. Когда-то было, к нам присоединялись: присоединялась еще одна школа и присоединялась один раз какая-то группа с техникума. Потом, в этом году с нами был Совет ветеранов – они сказали «мы хотим вместе с вами поучаствовать». Но их привезли на автобусе, потому что пожилые люди. [Соб.: С какого года происходят эти маршруты?] Ну вот с [20]17 года (Инф. 23).

Имея в виду, что члены общины приходят к месту расстрела каждый год 18 января, получается, что в Новозыбкове у памятника расстрелянным в один день проходят два мероприятия. Упомянутое в интервью шествие и траурный митинг со всеми атрибутами «советского» сценария проводит одна из местных школ, члены еврейской общины приезжают на автобусах и проводят свое, более камерное мероприятие. Возможно, эти мероприятия разведены по времени. Нам известно, что школа приходит всегда утром, община же, видимо, может приезжать днем или даже вечером (тем более, что день может быть рабочим). Обе группы приходят к месту расстрела именно 18 января, про 9 Мая и представители школы,

²⁰ Мероприятие построено так же, как и «Марш живых» – это траурное шествие, повторяющее последний путь расстрелянных.

и в общине говорили, что приходят в частном порядке: община отвозит корзину с цветами, учителя тоже приносят цветы.

В 2017 г. община посещала мемориал также 9 ава: «Однажды уже в наше время, в августе, на 9 ава, приезжала большая делегация, и мы – и администрация, и все – принимали участие» (Инф. 5). В августе 2017 г. отмечалась 75-я годовщина расстрела в Змиёвской балке, в этот период мероприятия в память о Холокосте проводили в разных городах. Вероятно, делегация приезжала, чтобы посетить место расстрела в связи с этой годовщиной, однако в еврейской общине Новозыбкова этот визит связан с 9 ава, поскольку в локальной традиции это поминальный день.

В соседней с Новозыбковым Унече сложилась аналогичная ситуация. Акции памяти в день расстрела там проводятся с 2018 г., организует их Унечский краеведческий музей. Участники акции также идут пешком от места, где было гетто, до места расстрела, в начальной и конечной точках маршрута проводятся траурные митинги:

Вот я провожу «Марш живых» <...> В день расстрела, 15 марта <...>. Мы собираемся, приезжаем туда, на место концлагеря и гетто – у нас это все в одном месте, и там проводим небольшой митинг: приглашаю узников всех, приглашаю поисковиков, приглашаю ветеранов, приглашаю администрацию всегда, приглашаю школьников, общественные всякие организации – человек по 200 мы собираемся (Инф. 24).

Сотрудница музея рассказывала, что ее вдохновил пример Новозыбкова, и она решила проводить похожие акции памяти в Унече. Члены еврейской общины Унечи говорили, что до этого приходили к памятнику в другие дни и точной даты расстрела даже не знали:

[Соб.: Получается, что к памятнику шествием стали ходить совсем недавно?] Ну, относительно недавно, в [19]90-е годы где-то. Ну, точно я могу сказать, что с 2002 года мы ходили туда. [Соб.: А на какой день? На день расстрела?] Нет, скорее всего на день освобождения Унечи – 17 сентября (Инф. 25).

Другая наша собеседница сказала, что раньше ходила к месту расстрела с общиной 9 Мая, а про день расстрела узнала совсем недавно от «девочек в музее» (Инф. 26).

Получается, что посещение мемориала именно в годовщину расстрела – новая традиция. Прежде еврейская община посещала памятник в дни, связанные с Великой Отечественной войной, а не с Холокостом. Однако эта новая традиция немногочисленным еврейским населением Унечи была принята и одобрена, с 2018 г. местные евреи стали участвовать в акциях, которые устраивает музей.

Новозыбков и Унеча были местами традиционного проживания евреев, поэтому мы и начали свои экспедиционные поездки с этих городов. Однако сейчас евреев там осталось мало, особенно невелико еврейское население в Унече. Имея в виду, что оба города небольшие (население Новозыбкова – около 40 тыс. жителей, в Унече живут немногим более 20 тыс.), у активистов памяти больше ресурса для организации мероприятий. При этом активисты памяти ориентируются именно на локальный день памяти Холокоста и приглашают на мероприятия членов еврейских общин.

Кроме городов, в которых день расстрела является главным днем памяти (таких среди посещенных нами мест было семь), мы посетили пять населенных пунктов, в которых день расстрела хотя и известен, но коммеморативные акции, как оказалось, приурочены к другим датам: это города Таганрог и Усть-Лабинск, а также села Богдановка, Степное и станция Курская.

Действующая еврейская община есть лишь в одном из названных мест – в Таганроге. Здесь в Петрушинской балке во время войны расстреливали не только евреев, но также подпольщиков и военнопленных. Сейчас на этом месте находится большой мемориальный комплекс, ранее, в 1973 г., там была установлена стела «Борцы». Частью мемориального комплекса является памятник, на котором есть надпись: «Здесь 26 сентября 1941 г. нацистами и их пособниками расстреляно более 6500 евреев». Однако в интервью эта дата (26 сентября) не была отмечена ни разу. В наши задачи не входит выяснять, как было на самом деле, и устанавливая дату, нам важно, что день расстрела не является конвенциональным днем памяти для еврейской общины Таганрога. Днем посещения памятника здесь является день освобождения города:

Конечно, и мы, наша организация периодически туда ездит <...> [Соб.: А вы с «Хэседом» в Петрушинскую балку когда ездите?] Ну в основном мы ко дню освобождения Таганрога, это 30 августа – в это время. <...> [Соб.: А здесь такого дня нету, именно связанного с расстрелом?] Нет, нет, специально такого нет (Инф. 11).

Посещение памятников жертвам Холокоста в день освобождения города встречается в наших материалах, причем относится эта практика к советскому времени. Вероятно, в Таганроге на формирование ее повлияло то, что 30 августа посещение мемориала является конвенциональным для разных групп горожан – администрация в этот день предоставляет автобусы для поездки разным организациям, обществам, в том числе и еврейской общине. Таким образом, еврейская община здесь встраивается в общие городские практики памяти о войне и оккупации.

В Усть-Лабинске, селах Богдановке, Степном и станице Курской в местах расстрелов установлены памятники. В Курской и Степном на них даже указаны даты расстрелов. Однако ни в одном из этих населенных пунктов нет еврейских общин, приходят к этим памятникам обычно какие-то институциональные, организованные группы: администрация, сотрудники Дома культуры или коллектив и ученики школы. Исключением является село Богдановка, куда ежегодно приезжают горские евреи из соседних городов – Моздока и Нальчика.

Отличие Богдановки заключается в том, что это село было создано в 1927 г. горскоеврейскими переселенцами, в то время как в станице Курской, Степном и Усть-Лабинске еврейских общин не было, а расстреляны здесь были евреи, оказавшиеся в этих местах в эвакуации. У евреев из Богдановки в соседних городах остались выжившие родственники. Именно они и их дети приезжают в Богдановку отдать дань памяти своим родным и родным своих друзей и соседей. Жительница Нальчика рассказывала нам о поездках в Богдановку на 9 Мая:

Что происходило с горскими евреями в Ставропольском крае – поселок Богдановка, там 472 горских еврея похоронены заживо в земле. Там есть по этому поводу мемориал, каждый год накануне 9 Мая туда ездит раввин со старейшинами, читают кадиш и когда дети, когда внуки этих людей тоже принимают участие в молитвах – ездят туда. В прошлом году была пандемия – не ездили, а так стараемся 9 Мая ездить (Инф. 27).

Собеседница из еврейской общины Моздока рассказывала, что члены общины ездят не только в Богдановку, но заезжают и в Степное и станицу Курскую накануне 9 Мая, чтобы отдать дань памяти не только родным, но и другим жертвам Холокоста – тем, чьи родные далеко и приехать не могут:

Они проводят мероприятия, посвященные и Дню Победы, и [памяти] жертв нацизма – то есть мы объединяем эти мероприятия [Соб.: Но все это в районе 9 Мая?] Да, да. <...>. [Соб.: А в Богдановку вы ездите в день расстрела или 9 Мая?] На все три памятника мы ездим в мае. [Соб.: А 25 сентября?] Ну, не получается, девочки, во-первых, это для нас тоже материальное – надо автобус заказывать и для этого надо много чего (Инф. 28).

В станице Курской новый памятник, на котором указаны имена погибших, установили в 2015 г., до этого на его месте был памятный знак без упоминания евреев. О посещении старого памятника мы не слышали, к новому памятнику 9 Мая приходят работники культуры, школьники, иногда представители местной администрации.

В Степном памятник установили только в 2014 г., до этого место расстрела не было отмечено. В отличие от Курской, где место расстрела было на окраине станицы, а сейчас рядом с ним школа и Дом культуры, в Степном расстреливали за селом, и туда пешком или на общественном транспорте не добраться. Накануне Дня Победы администрация села проводит автопробег, участники которого посещают разные памятники, связанные с войной, в том числе и памятники на местах расстрелов:

Мы 8 мая ежегодно проводим автопробег по местам захоронений: у нас очень много братских могил на территории района [Соб.: Это администрация организует?] Да. [Соб.: А кто участвует?] Участвуют школьники, молодежь, ветераны <...>. Начинаем со Степного и на Богдановском колодце заканчиваем (Инф. 29).

В Степном, Курской и Богдановке для местных жителей память о расстрелах вписана в контекст общей памяти о Великой Отечественной войне. 9 Мая жители приходят возложить цветы к разным военным мемориалам, в том числе и к памятникам жертвам Холокоста. В этот же контекст встраиваются и приезжающие из Моздока и Нальчика еврейские общины, поскольку это оказывается удобно – можно присоединиться к мероприятиям. К тому же 9 Мая – выходной, и поехать к памятнику могут и те, у кого нет возможности в рабочие дни.

В Усть-Лабинске расстрел был в центре города. Здесь установлен памятник пионеру-герою Мусе Пинкензону. Рядом с ним есть табличка, рассказывающая, что на этом месте «в декабре 1942 года фашисты уничтожили 387 человек мирных жителей. Среди них был 11-летний мальчик Муся Пинкензон». Жители города рассказывали, что ходили к памятнику в советское время с учителями. Сейчас к памятнику тоже приходят и школы, и организованно члены ветеранской организации, и представители администрации. Наша собеседница из ветеранской организации назвала две даты, связанные с Великой Отечественной войной:

Мы все время туда ходим. [Соб.: А на какие даты?] Ну, во-первых, мы ходим вот на все поминальные дни: у нас 2 февраля – освобождение Усть-Лабинска от фашистов – мы туда идем, потом на День Победы (Инф. 30).

Сотрудница музея отметила другие даты, но тоже связанные с войной:

[Соб.: А есть ли какие-то специальные дни: день расстрела или, там, 9 Мая?] Ну, 9 Мая, там всегда памятные... Вот 22 июня там всегда, там прямо проводится митинг [Соб.: Прямо там, да, 22 июня?] Да, там Дом культуры городской проводит. И 9 Мая бывает что-то проводится. Ну, 15 декабря холодно, 15 декабря расстрел был. [Соб.: И на этот день тоже что-то?] Ну, не всегда. Если люди

приезжают – экскурсии идут, если кто-то приезжает в этот день. А так чтоб прям мероприятия – я не помню такого (Инф. 31).

Из интервью видно, что день расстрела не является значимым днем памяти, а к памятнику приходят, так же как в Курской, Степном, Богдановке, в те дни, когда посещают и другие военные памятники: 9 Мая, день освобождения города, 22 июня.

Получается, что в тех населенных пунктах, где известны дата и место расстрела, еврейские общины обычно посещают мемориальные места в первую очередь в день расстрела, а другие активисты памяти – в связи с датами, связанными с Великой Отечественной войной.

Таганрог оказывается исключением: вероятно, тут городская идентичность оказалась сильнее еврейской. Может быть, этому способствовало и то, что в одном месте были расстреляны разные группы горожан. Возможно, стоит учесть и то, что община в Таганроге небольшая: как и в Ставрополе, евреев, по данным переписи 2010 г., здесь меньше 0,1%. В Новозыбкове и Унече, наоборот, активисты памяти нееврейского происхождения ориентируются на день расстрела, однако в этих случаях в роли таких активистов выступают именно работники культуры и образования, очень увлеченные темой Холокоста лично. Возможно, на этот их интерес влияет то, что живут они в городах, которые с давних пор были традиционно еврейскими, поэтому и еврейская память – важная часть локальной памяти, к ней особое отношение.

Вероятно, то, что еврейские общины и погруженные в еврейский контекст активисты памяти посещают места памяти именно в «свой» день, в годовщину расстрела, которую можно назвать локальным днем памяти о Холокосте, связано с важностью дня смерти в традиционной еврейской культуре. Получается, что, приходя к месту расстрела именно в годовщину гибели, жертв поминают в день смерти – так же, как поминают своих покойных родных. То, что другие памятные дни оказываются не так важны, вполне закономерно с точки зрения традиционной культуры.

В свою очередь закономерно, что там, где нет еврейских общин, поминовение переносится почти всегда на День Победы, к нему могут добавляться другие даты, такие как день освобождения города, то есть мемориальные практики по поводу Холокоста встраиваются в практики памяти о войне.

Вторую группу – города, где известно место расстрела, но дня расстрела не знают, – составляют Псков, Рославль, Рудня, Сураж, Арзгир. Надо добавить, что группа эта выделяется условно. Это не значит, что дата расстрела в том или ином городе неизвестна в принципе, важно то, что никто из наших собеседников ее не знал и даже не предполагал, что она может быть установлена или уже известна.

Псков не был городом традиционного еврейского проживания, хотя и находился недалеко от черты оседлости. К началу XX века в городе была еврейская община. Сейчас еврейское население в Пскове тоже невелико, меньше 0,1%, однако здесь есть религиозная община и «Хэсед». Как нам говорили, в окрестностях города было несколько мест, где в войну расстреливали евреев: Лухново, Андрохово, Моглино (возможно, это не исчерпывающий список). Отчасти с этим связано и отсутствие единой мемориальной даты: расстреливали евреев в разных пригородах и в разные дни.

В еврейской общине нам рассказали, что о месте расстрела узнали только в 1990-е гг:

В [19]99 году, в начале [19]99 года, пришла женщина, а может быть это был [19]89 год, но это детали. И сказала, что вот когда во время войны она с мамой в пригороде Пскова видела, как расстреливали. Я могу ошибиться, может, не она сказала. Но сказала, что вот там-то болото, и там расстреливали евреев (Инф. 32).

Получив сведения о месте расстрела, еврейская община занялась установкой памятника, и в 2003 г. на указанном месте, в деревне Лухново, в шести километрах от города был установлен памятник. С тех пор, то есть даже чуть раньше, это место стало конвенциональным местом памяти жертв Холокоста в Пскове:

А вот когда создалась еврейская община, я тогда пришел, и потом приехали первый раз на это место, тогда там еще и памятника не было, только само место. <...> Тогда у нас большая группа была, человек 15–20 евреев (Инф. 33).

Сейчас религиозная община приезжает к памятнику в дни, близкие к 9 Мая, а «Хэсед» посещает памятник на Йом ха-Шоа и в Международный день памяти Холокоста:

[Соб.: А какая там дата?] Она, как правило, публикуется <...> выбирается чаще всего время Йом а-Шоа, потому что он на весну приходится, иногда выезды зимой делаются на День [памяти] Холокоста, могут быть и другие даты, если есть необходимость. [Соб.: А вот даты именно расстрела, который был здесь нет?] Он зимой вроде бы был, надо смотреть, сейчас я так навскидку не скажу... [Соб.: Ну, такого, чтобы ходили на такой день, как в Ростове на 11–12 августа?] Нет, нет. У нас нет такого вот как День [памяти] Холокоста в Пскове (Инф. 34).

Отсутствие локального дня памяти жертв Холокоста в Пскове объясняли тремя причинами. Во-первых, тем, что расстрел был не один: «...

здесь они, во-первых, делали все очень хитро: было же несколько акций и вывозов» (Инф. 34). Во-вторых, тем, что даты не задокументированы: «...здесь такого дня нет, потому что никто не знает тот день, когда в Пскове конкретно произошли эти два, ну те которые нам известны, эти два расстрела. Вот точная дата неизвестна, ее нет. Ни в актах ЧГК, нигде ее нет» (Инф. 35). Наконец, в-третьих, что в псковской общине почти нет пожилых людей, родившихся в Пскове: «Тут же вся еврейская община – она вся приезжая, у них у всех свой День [памяти] Холокоста» (Инф. 34).

В Пскове не знают и календарных поминальных дней – выходцы из разных мест приходят на кладбище «как привыкли». Например, наш собеседник, родившийся в небольшом городе в Белоруссии, был удивлен, что в Пскове на 9 ава на кладбище не ходит никто, кроме его семьи.

В итоге религиозная община, состоящая в основном из пожилых людей, выбрала датой посещения День Победы, вероятно, по некоторой советской инерции ходить к мемориалам в День Победы или перед ним. Однако это посещение не встроено в какой-то городской контекст, и поминовение проходит скорее по религиозному сценарию: члены общины говорили, что митингов не проводят, а зажигают свечи и кладут камешки.

Вторая община, более молодая, выбрала международные даты: «Потому что есть общая дата: она со всеми, она со всем еврейским народом» (Инф. 34). Дополнительно члены общины говорили, что Йом ха-Шоа был выбран еще и потому, что у многих родственники в Израиле – там это очень важный день: «Видимо здесь момент репатриации, который начался в [19]90-е и 2000-е годы, он здесь более ощущался. И быть с той страной, где у тебя дети, вот они вчера уехали – они там будут этот день отмечать... И здесь, да, соответственно это определяет какие-то моменты. Они там вспоминают – мы здесь вспомним» (Инф. 34). В 2020-е гг. к траурным мероприятиям на Международный день памяти Холокоста стали присоединяться также представители городской и областной администрации. Таким образом, к памятнику приходят трижды в год: 27 января проводится официальный траурный митинг по светскому сценарию, а весной каждая община ездит сама, без официальных лиц – прибраться после зимы и помянуть погибших.

В Рославле непосредственно за еврейским кладбищем, в Бухтеевом рву, находится и место расстрела: старый памятник в 2018 году был дополнен, здесь установили плиты с именами жертв. В статье С. Амосовой приводятся наблюдения: калитка ограды, окружающей памятник, была открыта на 9 ава, а в мае была закрыта [Амосова 2018б, 226], в 2022 г. в мае калитка была открыта, люди спускались к мемориалу, возлагали цветы, стояли какое-то время поодиночке или семьями, возвращались обратно на кладбище.

Специального организованного посещения памятника здесь нет, на вопрос про день расстрела никто из наших информантов ответить не смог:

[Соб.: Известна ли дата расстрела?] На памятнике написано. [Соб.: Нет, там только год. А нет даты расстрела, на которую ходят к памятнику?] Нет <...>. Ну, на День Победы, перед 9 Мая ходят школьники (Инф. 36).

Таким образом, еврейская община Рославля ходит к памятнику в традиционные поминальные дни: на Лаг ба-Омер и 9 ава, точнее сказать, в дни, близкие к этим праздникам, потому что посещение кладбища и памятника обычно переносится на ближайшие к названным датам воскресенья. В то же время Лаг ба-Омер обычно выпадает на дни, не очень далекие от 9 Мая, поэтому многие связывают его с Днем Победы. Кроме того, перед 9 Мая к мемориалу приходят школьники одной из школ (за каждой школой «закреплен» какой-то памятник; вспомним, что один из наших собеседников говорил, что в советское время памятник был «закреплен» за предприятием, где он работал).

Таким образом, поминовение жертв Холокоста в Рославле встраивается, с одной стороны, в контекст еврейской поминальной традиции, а с другой – в контекст памяти о Великой Отечественной войне. Причем школьники и еврейская община у памятника не пересекаются, общих городских мероприятий там не проводят, у тех и у других есть «свои» дни памяти: у одних – традиционные еврейские, у других – традиционные советские. Отсутствие интереса к дню расстрела объясняется, видимо, тем, что поминовение погибших в Холокосте естественно вписано в поминальную еврейскую традицию. Люди приходят на кладбище два раза в год, чтобы помянуть своих родных, тогда же происходит поминовение земляков, погибших в Холокосте, то есть в тот же традиционный «родительский» день.

Похожую картину мы наблюдали в Сураже. В 1959 г. останки расстрелянных за городом евреев были перезахоронены на еврейском кладбище, тогда же на месте захоронения был поставлен небольшой памятник. Позже рядом с ним возвели стену, на которой перечислены имена погибших, а на месте расстрела за городом в 2014 г. установили памятный камень. В Сураже, как отмечала С. Амосова, принято ходить на кладбище единожды в год на «еврейскую Радуницу» – так здесь называют Лаг ба-Омер [Амосова 2018б, 227]. Это подтверждают и материалы наших интервью. Кроме «Радуницы» называли еще День Победы, а о дне расстрела никто из наших собеседников не знал:

Ну как, памятника не было раньше. [Соб.: А потом, когда вот останки перенесли, эксгумировали и перенесли на кладбище?] Ну это, ходили и на Радуницу,

и на День Победы. [Соб.: А на день расстрела ходили?] На день расстрела нет, наверное. И я, например, точно дня расстрела этого не знаю (Инф. 37).

Некоторые наши собеседники добавляли, что в День Победы сначала приходили к центральному городскому мемориалу, а потом шли на кладбище к еврейскому:

[Соб.: А на 9 Мая сюда (на кладбище. – *Примеч. авт.*) кто-нибудь приходит?] Приходит, обязательно. Но сначала туда приходим... где общий памятник, там захоронения, часть известных, часть неизвестных солдат <...> А потом евреи сюда. И всегда так было, и когда был жив мой отец и фронтовики – там же ведь евреев была куча (Инф. 38).

По всей видимости, Сураж представляет собой тот редкий случай, когда традиция поминовения жертв Холокоста не особенно изменилась с советского времени. Наш собеседник 1952 года рождения говорит, что 9 Мая приходили к памятнику и в его детстве, и приходят сейчас. Член общины 1933 года рождения упоминал, что до перезахоронения евреи Суража посещали и место расстрела:

[Соб.: А до того, как перезахоронили, выкопали кости с места расстрела и перезахоронили, евреи приходили на это место?] Ну, конечно. Ну, как это... Приходили. Я там был сколько раз <...>. Конечно, родственники приходили. У многих дети, кое-кто вернулся с войны (Инф. 37).

Посещение места расстрела отмечено и в интервью, записанных коллегами в 2016–2017 гг. В этих записях есть рассказ о том, что после посещения кладбища «все садились в автобусы и ехали на место расстрела» [Амосова 2018б, 230]. Сейчас на Лаг ба-Омер около памятника произносят короткие речи, читают молитву, зажигают свечи, к памятнику возлагают цветы, кладут камни [Амосова 2018б, 228].

Как и в Рославле, в Сураже поминовение жертв Холокоста оказывается встроено в первую очередь в традиционный поминальный календарь. В то же время оно также встраивается в общую память о Великой Отечественной войне, но, в отличие от Рославля, на День Победы коммеморативные мероприятия тут также проводит сама еврейская община, а не «прикрепленная» школа. Поминовение жертв Холокоста органично встроено в поминовение родных, причем это сложилось еще в советское время и кардинально не менялось по сей день.

И Рославль, и Сураж были местами традиционного еврейского проживания: Сураж входил в черту оседлости, а Рославль расположен недалеко от нее, к началу XX века здесь проживало много евреев, был молельный дом, еврейское кладбище, что для города с населением около

30 000 человек показательно. По данным переписи 2010 г. в Рославле и Сураже процент еврейского населения составляет 0,25%, что выше, чем в любом областном центре, где мы работали, причем все наши собеседники (хотя их было не так много) в этих городах были коренными жителями.

Еще один город, где памятник жертвам Холокоста, как и в Сураже, стоит прямо на кладбище – Рудня. Здесь, как и в Сураже, останки расстрелянных за городом были перезахоронены на городском кладбище. Памятник был установлен в 1965 г. по проекту скульптора Л. Е. Кербеля и считается памятником культуры. Однако, в отличие от Суража и Рославля, никто нам не говорил, что ходит к памятнику в какие-либо «родительские дни». В Рудне нет еврейской общины, и единственная наша собеседница из Рудни с еврейскими корнями сказала, что знает только о том, что к памятнику приходят школьники:

Да, ходят. Постоянно за ним школьники следят, за памятником <...> [Соб.: А кроме уборки какие-то траурные митинги бывают?] Митингов не бывает, но возложения бывают. [Соб.: А на какую дату?] Перед 9 Мая и какого числа в сентябре? [Это, наверное, дата расстрела?] Ну, может быть. [Или освобождения?] Рудня была же освобождена 29 сентября. Может быть, к освобождению (Инф. 39).

В Рудне мы говорили с работниками культуры, которые также сказали, что за памятником смотрят: зимой школьники убирают снег, на 9 Мая возлагают цветы. О дне расстрела никто из наших собеседников ничего не знал.

Получается, что сложившиеся вокруг памятника в Рудне практики в наши дни вписаны в контекст посещения памятников Великой Отечественной войны. Рудня оказалась в одном ряду с Курской, Степным, Усть-Лабинском – местами, где нет еврейских общин и памятник жертвам Холокоста посещают как один из военных памятников, хотя еще в позднесоветское время эти практики, вероятно, сильно отличались²¹. Наверное, корректнее было бы сравнить Рудню с Унечей: это тоже город традиционного проживания евреев, где сейчас еврейское население крайне мало, но в Рудне не нашлось таких активистов памяти, как в Унече, поэтому новой традиции посещения мемориала на день расстрела не возникло.

²¹ В Рудне в 1960-е гг. сложилась инициативная группа, занимавшаяся установкой памятника, и, хотя большинство ее членов к тому времени жили за пределами Рудни [Вятчина, Юдкина 2018, 241–245], можно предположить, что они, во всяком случае иногда, приезжали на малую родину, в частности, чтобы посетить могилы родных и памятник.

В Арзгире памятник рядом с местом расстрела стоял как минимум с 1968 г. В позднесоветское время в канун 9 Мая к нему ежегодно устраивали факельные шествия. В 2016 г. останки погибших перезахоронили рядом и установили новый памятник в рамках проекта «Вернуть достоинство». На памятнике написано, что расстрел происходил в сентябре, но точная дата не указана, не звучала она и в наших интервью. К памятнику продолжают ходить 8 мая, перед Днем Победы, правда, один наш собеседник говорил, что сам он приходит 27 января. В 2017 г. в Арзгире 8 сентября проходил «Марш живых», как мы поняли, дата мероприятия была выбрана в связи с годовщиной открытия памятника, первоначально оно планировалось в августе одновременно в «Маршем живых» в Ростове-на-Дону. Посещение памятника в сентябре было разовой акцией, а ежегодно массово посещают место захоронения 8–9 мая. Как и в других городах и селах, где есть памятник, но нет евреев, коммеморативные практики у памятника встраиваются в контекст памяти о войне.

На примере рассмотренных пяти городов мы видим три разные варианта. Во-первых, когда день памяти встраивается в традиционный еврейский поминальный календарь, как в случае Рославля и Суража. Эта модель возможна только для мест традиционного еврейского проживания, где сложились свои локальные поминальные традиции и есть «родительские» дни. В целом этот вариант ближе всего к поминовению в день расстрела, связанному, в свою очередь, с поминовением в годовщину смерти. Именно в этих городах памятники жертвам Холокоста установлены на кладбище или рядом с кладбищем, и, возможно, именно это обстоятельство оказало влияние на то, что еврейские жители здесь не задались целью установить день расстрела и приходят к мемориалам именно в этот день, ведь прийти в традиционный поминальный день удобно всем: как членам общины, живущим в Сураже и Рославле соответственно, так и родственникам, приезжающим специально в «родительские» дни (а таких выходцев из этих городов много). Вероятно, в эту же модель вписывалась раньше и Рудня, но выпала из нее в связи с полным отсутствием еврейского населения в городе. Во-вторых, день памяти встраивается в международную память о Холокосте, как в случае Пскова. Третья модель – когда день памяти встраивается в контекст памяти о Великой Отечественной войне, как бывает чаще всего там, где есть памятник, но нет еврейской общины.

Третью группу посещенных нами мест составляют города, где никто не мог назвать день расстрела и о месте расстрела нам говорили неуверенно или противоречиво. Нас, разумеется, интересовал не поиск «настоящего» места расстрела, а коммеморативные практики, привязанные к каким-либо городским или пригородным локусам. Рассмотрим три таких случая – Краснодар, Новороссийск и Пятигорск.

Пожалуй, самый показательный пример – Краснодар. Это большой город, где есть еврейская община, синагога, различные еврейские организации. Наши собеседники знали, что расстрел евреев в Краснодаре был, но по поводу того, где это произошло, мнения расходились. В городе нет отдельного памятника жертвам Холокоста. Здесь есть стела у завода «Каскад», где предположительно убивали евреев, на стеле написано «Вечная память жертвам фашизма», но нет никакой еврейской символики. Есть также большой памятник «Жертвам фашистского террора» в Чистяковской роще. Иногда информанты называли и совсем другие места – микрорайон «Сады Калинина» (Инф. 40), двор дома на Ставропольской улице (Инф. 41), но в эти места, как мы поняли, с мемориальными целями никто никогда специально не приходит. Коммеморативная активность происходит в основном в Чистяковской роще и (в меньшей степени) у завода «Каскад»²². Дня расстрела нам не назвал никто: один человек говорил, что вроде бы в августе, другой – в сентябре, но большинство наших собеседников сказали, что про конкретный день никогда не слышали:

[Соб.: Какие проходят мероприятия, связанные с памятью о Холокосте?] Ну вот у нас в январе, мы проводим мероприятия. <...> Формат такой, больше концертно-литературный <...> [Соб.: Здесь есть день памяти местного Холокоста?] Нет, такого мы не слышали. [Соб.: День расстрела в городе или как-то?] Нет, здесь просто Международный день памяти жертв Холокоста, который в январе (Инф. 42).

Люди из разных еврейских организаций на вопрос про память о Холокосте в городе говорили о мероприятиях на 27 января, причем культурно-образовательных, а не коммеморативных. Это не значит, что культурно-образовательные мероприятия не проводятся в других городах, однако в Ростове-на-Дону или Смоленске рассказывают в первую очередь о посещениях мемориалов в дни расстрелов, а потом уже о прочем, а в Краснодаре говорят только про лекции, приуроченные к 27 января. О городском дне памяти жители или вообще никогда не слышали, или в разговоре безуспешно пытались его вспомнить:

[Соб.: Есть ли здесь местный день памяти расстрела?] Местный – да, но я вам сейчас не скажу, честно, вообще не скажу. Да, у нас даже есть место – Чистя-

²² В статье И. Ребровой говорится, что в первые послевоенные годы на местах расстрелов были памятники, но их снесли после открытия мемориального комплекса в Чистяковской (тогда – Первомайской) роще по разным техническим причинам, таким как проведение трассы или строительство завода [Реброва 2024, 254]. Как мы поняли, в отличие от памятника в Чистяковской роще, стела у завода «Каскад» в самом деле стоит примерно на месте расстрела.

ковская роща, там стоит памятник «Жертвам нацизма». Там, естественно, не указано, что это связано с евреями, но оно на самом деле и не связано, потому что это там такая была большая братская могила. А еще есть небольшая стела рядом с заводом, на улице Московской – она абсолютно неприглядная, ее никто не знает, никто не видит, там тоже написано «Жертвам фашизма», но вот именно в этот ров, первые, кто из душегубок – первые евреи были. <...> [Соб.: Рядом с этой стелой бывают какие-нибудь мероприятия?] Мы туда [приходим] на День памяти жертв Холокоста, мы собираемся, мы идем гвоздички возлагаем. А вот другое место – в Чистяковской роще – это нас уже приглашает администрация как представителей народа. [Соб.: А в Чистяковскую рощу на какую дату ходите?] Сейчас, надо поискать, наверное, что-то близко к 9 Мая (Инф. 43).

Возложение цветов в Чистяковской роще встраивается в цикл мероприятий, посвященных Великой Отечественной войне, поскольку памятник – «собирательный», в честь всех погибших во время оккупации краснодарцев, еврейской специфики у него нет.

Памятник у завода «Каскад», по нашим впечатлениям, не играет для евреев города той объединяющей роли, какая есть у памятника в Лухново под Псковом, при том, что сама ситуация похожая: евреев города убивали не в один день и не в одном месте. На возложение цветов к стеле здесь приходит, как мы поняли, небольшая инициативная группа, каких-либо мероприятий там не проводится. Современная еврейская община Краснодара больше, чем еврейская община Пскова, не только в абсолютном, но и в процентном отношении, то есть по сравнению с прочим населением города, но она, как и в Пскове, состоит из людей, переехавших из разных мест страны сравнительно недавно: среди наших собеседников почти нет уроженцев города, и даже среди молодого поколения таких – меньшинство. Коммеморативные практики евреев Краснодара, о которых нам довелось услышать, встраиваются, с одной стороны, в мировую память о Холокосте (как посещение стелы у завода «Каскад» 27 января), а с другой – в общероссийскую память о Великой Отечественной войне (как посещение Чистяковской рощи накануне 9 Мая).

В еврейской общине города Новороссийска нам рассказывали, что в День Победы приходят к памятнику «Непокоренные»:

Тут есть на въезде в город памятник, он называется, официально называется, памятник «Непокоренные» <...> [Соб.: А есть здесь в Новороссийске какая-то дата расстрела, ну чтобы ходить куда-то? Ну вот как в Змиёвскую балку все ходят 11–12 августа?] Нет, такого нет здесь. Нет, мы ходили вот к этому мемориалу на День Победы (Инф. 44).

На памятнике, который был установлен в 1963 г., написано: «Непокоренным. Замученным и расстрелянным здесь в 1943 году фашистскими оккупантами новороссийцам и воинам-десантникам Советской армии. Вечная слава павшим за свободу и независимость нашей любимой Родины!», то есть он посвящен памяти всех павших от рук немецких захватчиков – как военных, так и гражданских²³.

В Новороссийске публичные еврейские коммеморативные практики встроены в контекст общей памяти о Великой Отечественной войне, а про международные даты (27 января и Йом ха-Шоа) члены общины говорили, что проводят в эти дни культурно-образовательные мероприятия без посещения памятников. Это во многом похоже на Краснодар: 9 Мая – посещение общего памятника жертвам фашизма, в международные дни памяти Холокоста – мероприятия в школах или библиотеках. Стела «Непокоренные» здесь как бы объединяет в себе два краснодарских памятника, но коммеморативная активность с ней связана только один раз в году.

В Пятигорске, так же как в Новороссийске и Краснодаре, нет отдельно еврейского памятника. Здесь установлен советский памятник с красной звездой, на котором написано: «Здесь похоронено 68 советских граждан – женщин, детей и стариков, зверски умерщвленных в 1943 году немецко-фашистскими варварами». Наша собеседница из горскоеврейской общины Пятигорска рассказывала нам о посещении памятника:

Мемориал Холокоста находится на горе Машук. Еврейская школа каждый год посещают, следят за этим мемориалом. Ученики школы также ходят туда, посещают [Соб.: А какие-то определенные дни есть, когда ходят?] Ну, обычно это происходит ближе к Дню [памяти] Холокоста, когда вспоминают жертв. [Соб.: Общему или вот именно местному?] Не-не-не, общему [Соб.: В январе который?] Да-да-да. <...>. Община следит, на День Победы, если я не ошибаюсь, тоже ходят, почитают <...> я с детьми, со своим мужем хожу. Но как бы массово я не скажу, что туда шествие есть (Инф. 45).

Наши собеседники из ашкеназской общины Пятигорска говорили, что к этому памятнику они не приходят, поскольку вообще мест расстрела в городе несколько, и какие из них связаны именно с евреями, неизвестно. Нам также говорили, что к 9 Мая там иногда появляются

²³ Нам встречались разные мнения по поводу места, где установлен этот памятник – стоит ли памятник непосредственно на месте расстрела или недалеко от него. Кроме того, собеседники не единодушны в том, что касается самих расстрелов: только ли евреев там расстреливали или не только их. Подробности мы не выясняли, поскольку нас интересовала актуальная коммеморативная активность, а не сами исторические факты. Останки погибших, насколько мы поняли, были перезахоронены, но о посещении места захоронения нам не рассказывали.

цветы или венки от администрации, а еще, поскольку памятник около санатория, то 9 Мая к нему могут приходиться с цветами отдыхающие. Получается, что в Пятигорске коммеморативные практики также подтягиваются к двум датам: к Международному дню памяти жертв Холокоста и к Дню Победы.

Таким образом, в трех рассмотренных городах, где нет отдельных памятников жертвам Холокоста, коммеморативные практики сосредоточены у памятников, связанных с гражданскими жертвами Великой Отечественной войны. К этим памятникам во всех городах приходят в День Победы или близкие к нему дни, то есть тогда же, когда эти места посещают и другие жители города. Помимо этого, в Краснодаре и Пятигорске небольшие инициативные группы посещают памятники также 27 января – в Международный день памяти о Холокосте.

Таким образом, коммеморативную активность, связанную с памятью о Холокосте, можно свести к трем моделям, каждая из которых имеет свои варианты.

Первая – это посещение памятника в день расстрела, что соответствует посещению в традиционной культуре в годовщину смерти, либо в традиционные поминальные дни. Это разные варианты, однако оба вписываются в еврейскую традицию. Первый вариант «легитимен» с точки зрения еврейской традиции, а также в определенной мере наследует советской традиции, в которой было принято отмечать даты разных исторических событий, в том числе и трагических, например годовщины смерти В. И. Ленина²⁴. Практика поминовения в день расстрела нам встретила в семи городах. Все эти города объединяет то, что с советских времен в них были какие-то памятные знаки, которые в последние 20 лет (кроме случая Ростова-на-Дону²⁵) были заменены на новые или дополнены сведениями о погибших и еврейской символикой. В большинстве этих городов нам встречались люди, посещавшие место расстрела самостоятельно в советское время. Во всех названных

²⁴ Об этом, например, пишет Нина Тумаркин: «Ежегодно в день смерти Ленина, 21 января, по строго определенному сценарию проводились Ленинские вечера – в школах, на фабриках, а также в партийных, правительственных, армейских и профсоюзных учреждениях всех уровней» [Тумаркин 1999, 218]. Представители Коммунистической партии Российской Федерации и сегодня каждый год 21 января (день смерти В. И. Ленина) возлагают цветы к памятникам Ленину в разных городах.

²⁵ О том, почему в Ростове-на-Дону не были установлены плиты с именами погибших см.: [Кирзюк 2024, 18].

городах есть еврейские общины (хотя бы совсем маленькие, как в Унече и Минеральных Водах). Отметим, что в Минеральных Водах, где доля еврейского населения крайне незначительна (по данным переписи 2010 г. – 0,04%), этот день конкурирует с Международным днем памяти жертв Холокоста, в остальных городах же он – безусловно, главный день памяти, даже если жители города и приходят к памятникам дополнительно в другие дни.

В одних городах коммеморативные акции носят более массовый характер, в других – более камерный, где-то они полностью светские, где-то имеют религиозную составляющую (об исключительно религиозных нам не рассказывали), в некоторых городах (Ростов-на-Дону, Смоленск, Кисловодск, Новозыбков, Унеча, Минеральные Воды) на акции памяти приходят представители администрации, школы, другие общественные организации, в других (Ставрополь) – только члены общины.

Второй вариант первой модели – это посещение памятника в традиционный поминальный день еврейского календаря, в нашем случае прежде всего на Лаг ба-Омер. Этот вариант нам встретился дважды: в Рославле и Сураже. Здесь важно и то, что это города традиционного еврейского проживания, с укоренившимися традициями, памятники здесь установлены или прямо на кладбище, или рядом с ним, а поэтому оказываются естественно вписаны в поминальный обряд. Традиция приходить к этим памятникам на Лаг ба-Омер имеет давние корни, во всяком случае к ним приходили с 1960-х гг., когда они только появились. В этих случаях поминовение всегда камерное, оно может быть с чтением молитвы или ограничиваться возложением цветов, но в нем не участвуют официальные лица, «организованные» школьники.

Быть может, объединение этих двух вариантов в одну модель – спорное решение, но общим элементом для них является соответствие еврейской поминальной традиции, вернее даже – соответствие ее (традиции) интерпретации нашими информантами.

В рамках второй модели посещение памятника привязывается к датам, имеющим отношение к Великой Отечественной войне. По этой модели устроены коммеморативные практики в восьми населенных пунктах: города Таганрог, Усть-Лабинск, Новороссийск, Рудня, Арзгир, станица Курская, села Степное, Богдановка. В шести из них нет еврейских общин, поэтому поминовение жертв Холокоста, независимо от того, есть ли в том или ином месте новый памятник (на котором может быть даже написана дата расстрела), становится частью поминовения жертв Великой Отечественной войны: к памятникам приходят так же, как к другим памятникам, связанным с войной, например к Могиле Неизвестного солдата. К памятникам в этих городах приходят или представители администрации, или работники культуры, или делегации от школ, эти посещения приурочены к 9 Мая, как и посещения других подобных мест.

В Таганроге и Новороссийске характер этих визитов, видимо, определяется спецификой памятников. В Таганроге это комплекс, где есть и другие памятники, и есть городская традиция посещения их в День освобождения города, в Новороссийске – это общий памятник, связанный с жертвами войны, поэтому кажется логичным приходить к нему вместе с другими горожанами в День Победы.

Третья модель – когда посещение мемориалов происходит прежде всего в международные дни памяти о Холокосте. Так происходит в Пскове, Краснодаре и Пятигорске. Во всех трех городах международные дни памяти жертв Холокоста конкурируют с 9 Мая. Основной датой посещения во всех случаях, кроме Пскова, оказывается 27 января, и только в Пскове нам называли Йом ха-Шоа, причем в первую очередь. Что объединяет эти города? Во всех есть еврейские общины, и везде общины состоят в основном из приезжих евреев. В каждом из них собеседники не знали точно место расстрела (и был ли он один) или указывали несколько мест. То есть посещение собственно в день расстрела в этих случаях исключено, общих поминальных дней в силу разнородности самих общин (они объединяют сравнительно недавно приехавших из разных мест евреев, а не коренных жителей) в этих городах тоже нет. В такой ситуации ориентир на международный контекст, видимо, обусловлен стремлением членов общин – как сказал наш собеседник из Пскова – «быть со своим народом».

Для выбора дня памяти важны несколько факторов: во-первых, наличие еврейской общины (если ее нет, то память о Холокосте встраивается в контекст памяти о войне); во-вторых, укорененность общины в городе (первая модель вероятнее всего в тех случаях, когда память о расстреле передавалась хотя бы в каких-то семьях из поколения в поколение); в-третьих, деятельность активистов памяти (например, работников культуры или образования, для которых оказывается важным сохранить и актуализировать память о Холокосте в своем городе, как произошло в Новозыбкове и Унече). Если же в городе есть община (пусть даже довольно большая, как в Пятигорске, где процент евреев выше, чем в других обследованных нами городах), но ее члены в основном приезжие и само место памяти под вопросом, то основным днем памяти выбирается, как правило, один из международных дней памяти жертв Холокоста, чаще всего 27 января.

Список информантов

(Интервью собраны в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы», хранятся в архиве Еврейского музея и Центра толерантности)

- Инф. 1 – З. А., жен., 1951 г. р., Ставрополь, зап. в сентябре 2021 г.
Инф. 2 – Ф. Е., муж., 1944 г. р., Ставрополь, зап. в сентябре 2021 г.
Инф. 3 – А. З., муж., 1937 г. р., Смоленск, зап. в мае 2022 г.
Инф. 4 – Ц. Г., жен., 1929 г. р., Смоленск, зап. в мае 2022 г.
Инф. 5 – Ч. С., жен., 1967 г. р., Новозыбков, зап. в июле 2020 г.
Инф. 6 – Р. Г., муж., 1968 г. р., Новозыбков, зап. в июле 2020 г.
Инф. 7. – У. О., жен., 1962 г. р., Ростов-на-Дону, зап. в декабре 2020 г.
Инф. 8 – С. В., жен., 1934 г. р., Ростов-на-Дону, зап. в декабре 2020 г.
Инф. 9 – С. Л., муж., 1963 г. р., Ростов-на-Дону, зап. в декабре 2020 г.
Инф. 10 – Л. О., муж., 1965 г. р., Рославль, зап. в мае 2022 г.
Инф. 11 – Ф. А., муж., 1953 г. р., Таганрог, зап. в декабре 2020 г.
Инф. 12 – М. А., муж., 1934 г. р., Ростов-на-Дону, зап. в декабре 2020 г.
Инф. 13 – жен., 1948 г. р., Рославль, зап. в мае 2022 г.
Инф. 14 – О. И., жен., 1953 г. р., Ставрополь, зап. в сентябре 2021 г.
Инф. 15 – Б. Н., жен., 1952 г. р., Новозыбков, в июле 2020 г.
Инф. 16 – М. Е., жен., 1934 г. р., Смоленск, зап. в мае 2022 г.
Инф. 17 – Б. Е., муж., 1950 г. р., Смоленск, зап. в мае 2022 г.
Инф. 18 – Л. В., жен., 1947 г. р., Кисловодск, зап. в марте 2021 г.
Инф. 19 – Ф. Д., муж., 1928 г. р., Ставрополь, зап. в сентябре 2021 г.
Инф. 20 – Н. С., муж., 1950 г. р., Минеральные Воды, зап. в апреле 2021 г.
Инф. 21 – А. М., муж., 1974 г. р., Минеральные Воды, зап. в апреле 2021 г.
Инф. 22 – Х. О., жен., ок. 1970 г. р., Пятигорск, зап. в марте 2021 г.
Инф. 23 – В. Г., жен., 1961 г. р., Новозыбков, зап. в июле 2020 г.
Инф. 24 – Н. Г., жен., 1968 г. р., Унеча, зап. в июле 2020 г.
Инф. 25 – Б. В., муж., 1936 г. р., Унеча, зап. в августе 2020 г.
Инф. 26 – И. П., жен., 1936 г. р., Унеча, зап. в июле 2020 г.
Инф. 27 – Э., жен., 1990 г. р., Нальчик, зап. в марте 2021 г.
Инф. 28 – Н. Т., жен., 1948 г. р., Моздок, зап. в сентябре 2021 г.
Инф. 29 – Ш. Г., муж., 1960 г. р., Степное, зап. в сентябре 2021 г.
Инф. 30 – Л. Ю., жен., 1948 г. р., Усть-Лабинск, зап. в апреле 2023 г.
Инф. 31 – И. Т., жен., 1953 г. р., Усть-Лабинск, зап. в апреле 2023 г.
Инф. 32 – К. Р., муж., 1950 г. р. Псков, зап. в августе 2023 г.
Инф. 33 – Ш. М., муж., 1929 г. р., Псков, зап. в августе 2023 г.
Инф. 34 – Ф. О., муж., 1977 г. р., Псков, зап. в августе 2023 г.
Инф. 35 – П. Т., жен., 1962 г. р., Псков, зап. в августе 2023 г.
Инф. 36 – Г. Л., жен., 1948 г. р., Рославль, зап. в мае 2022 г.
Инф. 37 – Л. М., муж., 1933 г. р., Сураж, зап. в июле 2020 г.
Инф. 38 – Л. Б., муж., 1952 г. р., Сураж, зап. в июле 2020 г.
Инф. 39 – К. Т., жен., 1966 г. р., Рудня, зап. в мае 2022 г.
Инф. 40 – Б. А., жен., 1947 г. р., Краснодар, зап. в апреле 2022 г.
Инф. 41 – Т. Ю., муж., 1935 г. р., Израиль, зап. по зуму в апреле 2022 г.
Инф. 42 – У. М., жен., 1964 г. р., Краснодар, зап. в апреле 2022 г.
Инф. 43 – Н. Н., жен., 1980 г. р., Краснодар, зап. в апреле 2022 г.

Инф. 44 – Б. Д., муж., 1975 г. р., Новороссийск, зап. в апреле 2023 г.
Инф. 45 – Н. Н., жен., 1980 г. р., Пятигорск, зап. в апреле 2021 г.

Литература

- Алексеевский 2013 – *Алексеевский М.* Представления о еврейских похоронно-поминальных традициях в рассказах жителей Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов / Отв. ред. С. Амосова. М., 2013. С. 132–176.
- Альтшулер 2009 – *Альтшулер М.* Деятельность евреев по увековечению памяти о Холокосте в Советском Союзе в эпоху Сталина // Яд Вашем: Исследования. М.: Мосты культуры. 2009. С. 171–192.
- Амосова 2018а – *Амосова С.* Погребальные и поминальные практики евреев в России: традиции и трансформации // Живая старина. 2018. № 3 (99). С. 33–36.
- Амосова 2018б – *Амосова С.* Поминальные дни у евреев на Смоленщине и Брянщине // Евреи пограничья: Смоленщина / Отв. ред. С. Амосова. М.: центр «Сэфер», 2018. С. 221–236.
- Вятчина, Юджина 2018 – *Вятчина М., Юджина А.* Мемориализация Холокоста в Смоленской области (1943–1990 гг.): действующие лица, места и практики поминовения // Евреи пограничья: Смоленщина / Отв. ред. С. Амосова. М.: центр «Сэфер», 2018. С. 237–250.
- Громов 2008 – *Громов Д. В.* Посещение достопримечательностей как часть современного свадебного обряда // Традиционная культура. 2008. № 2. С. 28–39.
- Дымшиц 2008 – *Дымшиц В. А.* Еврейское кладбище: место, куда не ходят // Штетл, XXI век: Полевые исследования / Под ред. В. Дымшица, А. Львова, А. Соколовой. СПб., Издательство ЕУСПб, 2008. С. 135–158.
- Каспина 2020 – *Каспина М. М.* Почитание могил хасидских цадиков в XXI в.: паломнические практики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 5. С. 140–161.
- Кирзюк 2024 – *Кирзюк А. А.* Змиёвская балка (Ростов-на-Дону): память о Холокосте в конкуренции жертв // Фольклор и антропология города. 2024. Т. VI. №1–2. С. 14–38.
- Реброва 2024 – *Реброва И.* Память в камне? История мемориализации жертв Холокоста на Северном Кавказе // Холокост и еврейское сопротивление во время Второй мировой войны. Региональные особенности на Северном Кавказе и в других регионах СССР: Сборник научных докладов и статей / Науч. ред. К. А. Пахалюк. Иерусалим: Международная ассоциация Израиль – Азербайджан «АзИз»; Институт Бен Цви в Иерусалиме, 2024/5784. С. 243–269.

- Тумаркин 1999 – *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 285 с.
- Цынман 2001 – *Цынман И. И.* сост. Бабы Яры Смоленщины: появление, жизнь и катастрофа Смоленского еврейства. Смоленск: Русь, 2001. 524 с.
- Черкасски, Терушкин 2013 – Черкасски А., Терушкин Л. Стратегии советской еврейской общественности по увековечиванию памяти на примере установки памятников евреям–жертвам фашизма // *Былые годы*. 2013. №. 29. С. 69–74.
- Чеснокова 2019 – *Чеснокова Е. Г.* Повседневная культура в структуре современных поминальных практик на кладбище // *Качество жизни в фокусе междисциплинарных исследований (IX Рязанские социологические чтения): материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием; Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина, г. Рязань, 7–8 ноября 2019 г. / Отв. ред.: Р. Е. Маркин, А. В. Проноза. М.: ООО «Издательство Ипполитова», 2019. С. 188–191.*
- Rebrova 2020 – *Rebrova I.* Re-Constructing Grassroots Holocaust Memory: The Case of the North Caucasus. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2020. 369 p.
- Zeltser 2019 – *Zeltser A.* Unwelcome Memory. Holocaust Monuments in the Soviet Union. Jerusalem: Yad Vashem, 2019. 386 pp.

Modern Jewish commemorative practices in the context of the commemoration of the Great Patriotic War and the Holocaust

Irina Kozlova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Cand. Sci. (Philology)

Laboratory of Theoretical Folklore Studies, Institute of Social Sciences

ORCID: 0000-0001-5466-1339

Abstract. The article deals with current Holocaust memory practices in different cities of Russia. The study is based on field materials collected in the course of expeditions under the project “Jewish Commemorative Practices and the Modern Cult of Victory”, conducted from 2020 to 2023. The expeditions were conducted

in different cities in Western and Southern Russia. The article explores discrepancies in ways the commemoration of deceased Jews takes place in different localities and factors that determine the choice of the day for visiting the memorial. Based on the collected material, the article identifies three models of commemorating the victims of the Holocaust: a commemoration on the day of execution or, as an option, traditional Jewish memorial days, a commemoration in the context of the broader commemoration of the Great Patriotic War - on the Victory Day or City Liberation Day, or a commemoration in the context of the international remembrance of the Holocaust - January 27 or on Yom HaShoah.

Keywords: commemoration, Holocaust memory, Great Patriotic War, World War II, Jewish commemorative practices.

DOI: 10.31168/2658-3364.2024.1-2.03

To cite: Kozlova, I. Modern Jewish commemorative practices in the context of the commemoration of the Great Patriotic War and the Holocaust. *Judaic-Slavic Journal*. 2024. 11–12 (2024). С. 51–93.

Received: 01.10.2024. *Accepted:* 24.10.2024.

References

- Alekseevskii, M., 2013, *Predstavleniia o evreiskikh pokhoronno-pominal'nykh traditsiakh v rasskazakh zhitelei Latgalii* [Perceptions of Jewish funeral and memorial traditions in the stories of Latgale residents]. *Utrachennoe sosedstvo: evrei v kul'turnoi pamiati zhitelei Latgalii. Materialy ekspeditsii 2011–2012 godov* [Lost Neighborhood: Jews in the Cultural Memory of Latgale Residents. Materials from the 2011–2012 Expeditions], ed. S. Amosova, 132–176. Moscow.
- Al'tshuler, M., 2009, *Deiatel'nost' evreev po uvekovecheniiu pamiati o Kholokoste v Sovetskom Soiuze v epokhu Stalina* [Jewish activities to perpetuate the memory of the Holocaust in the Soviet Union during the Stalin era]. *Yad Vashem: Issledovaniia* [Yad Vasem: Studies], Moscow: Mosty kul'tury, 171–192.
- Amosova, S., 2018, *Pogrebal'nye i pominal'nye praktiki evreev v Rossii: traditsii i transformatsii* [Funerary and Memorial Practices of Jews in Russia: Traditions and Transformations]. *Zhivaia starina*. 3 (99), 33–36.
- Amosova, S., 2018. *Pominal'nye dni u evreev na Smolenshchine i Brianshchine* [The memorial days for Jews in Smolensk and Bryansk regions]. *Evrei pogranch'ia: Smolenshchina* [Jews of the Borderland: Smolensk Region], ed. S. Amosova, 221–236, Moscow.

- Viatchina, M., Yudkina, A., 2018. Memorializatsiia Kholokosta v Smolenskoï oblasti (1943–1990 gg.): deistvuiushchie litsa, mesta i praktiki pominoventiia [Holocaust Memorialization in the Smolensk Region (1943–1990): Actors, Places, and Practices of Commemoration]. *Evrei pogranich'ia: Smolenshchina* [Jews of the Borderland: Smolensk Region]. ed. S. Amosova, 237–250. Moscow.
- Gromov, D., 2008. Poseshchenie dostoprimechatel'nostei kak chast' sovremennogo svadebnogo obriada [Visiting Sights as Part of a Modern Wedding Ceremony]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2, 28–39.
- Dymshits, V., 2008. Evreiskoe kladbishche: mesto, kuda ne khodiat [Jewish Cemetery: A Place Where No One Goes]. *Shtetl XXI vek: Polevye issledovaniia* [Shtetl 21st Century: Field Research], ed. V. Dymshits, A. L'vov, A. Sokolova, 135–158. Saint Petersburg.
- Kaspina, M., 2020. Pochitanie mogil khasidskikh tsadikov v XXI v.: palomnicheskie praktyki [Veneration of the graves of Hasidic tzaddikim in the 21st century: pilgrimage practices]. *Vestnik RGGU. Seriiia «Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia»*, 5, 140–161.
- Kirziuk, A., 2024. Zmievskaia balka (Rostov-na-Donu): pamiat' o Kholokoste v konkurentsii zhertv [Zmiyovskaya balka (Rostov-on-Don): Memory of the Holocaust and competition of victims]. *Fol'klor i antropologiia goroda*, vol. 4, 1–2, 14–38.
- Rebrova, I., 2024. Pamiat' v kamne? Istoriia memorializatsii zhertv Kholokosta na Severnom Kavkaze [Memory in Stone? The History of Holocaust Memorialization in the North Caucasus]. *Kholokost i evreiskoe soprotivlenie vo vremia Vtoroi mirovoi voiny. Regional'nye osobennosti na Severnom Kavkaze i v drugikh regionakh SSSR: Sbornik nauchnykh dokladov i statei* [The Holocaust and Jewish Resistance During World War II. Regional Peculiarities in the North Caucasus and Other Regions of the USSR: A Collection of Scientific Papers and Articles], ed. K. Pakhaliuk, 243–269, Jerusalem.
- Rebrova, I., 2020, *Re-Constructing Grassroots Holocaust Memory: The Case of the North Caucasus*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 369.
- Tumarkin, N., 1999. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoï Rossii* [Lenin is alive! The cult of Lenin in Soviet Russia]. Saint Petersburg, 285.
- Tsynman, I., 2001, Bab'i Yary Smolenshchiny: poiavlenie, zhizn' i katastrofa Smolenskogo evreistva [Babi Yar of Smolensk region: the emergence, life and catastrophe of Smolensk Jewry]. Smolensk, 525.
- Cherkasski, A., Terushkin, L., 2013, Strategii sovetskoï evreiskoi obshchestvennosti po uvekovechivaniiu pamiatii na primere ustanovki pamiatnikov evreiam–zhertvam fashizma [Strategies of the Soviet Jewish community to perpetuate memory using the example of erecting monuments to Jewish victims of fascism]. *Bylye gody*, 29, 69–74.

- Chesnokova, E., 2019, *Povsednevnaia kul'tura v strukture sovremennykh pominal'nykh praktik na kladbishche* [Everyday culture in the structure of modern memorial practices at the cemetery]. *Kachestvo zhizni v fokuse mezhdistsiplinarnykh issledovaniĭ (IX Riazanskie sotsiologicheskie chteniia): materialy Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Quality of life in the focus of interdisciplinary research (IX Ryazan sociological readings): materials of the National scientific and practical conference with international participation]. Ed. R. Markin, A. Pronoza, 188–191. Moscow.
- Zeltser, A., 2019, *Unwelcome Memory. Holocaust Monuments in the Soviet Union*. Jerusalem: Yad Vashem, 386.